

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Пространственные знаки Санкт-Петербурга в поэзии А.М. Городницкого

Исполнитель _____ Мигранова Адель Винеровна _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«2» марта 2017 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Пространственные знаки Санкт-Петербурга в поэзии А.М. Городницкого

Исполнитель _____ Мигранова Адель Винеровна _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

_____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

« ____ » _____ 2017 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. РОЛЬ ЛОКУСА И ТОПОНИМИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	7
1.1. Функция локуса в поэтическом тексте.....	7
1.2. Топонимика в организации поэтического текста.....	11
1.3. Традиции топонимики Санкт-Петербурга в русской поэзии.....	16
Вывод.....	24
2. ФУНКЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХЗНАКОВ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭЗИИ А.М. ГОРОДНИЦКОГО.....	26
2.1. Функции топонимического подтекста в лирике А.М. Городницкого.....	26
2.2. Функции топонимического подтекста в лирике А.М. Городницкого.....	36
2.3. Типология пространственных знаков Петербурга в поэзии.....	48
Вывод.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	62
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Корконданс пространственных знаков Петербурга в поэзии А.М. Городницкого.....	69

Введение

Актуальность и новизна исследования. Каждому человеку свойственно стремление максимально кратко и ёмко обозначать словом место своего обитания, поэт же в своих произведениях создаёт модель действительности как свидетельство собственного присутствия в мире. Уже созданы различные классификации видов пространства по различным признакам, положенным в основу, в зависимости от точки зрения и цели исследователя. Однако и в самой терминологии отмечается полифонизм, поэтому постановка вопроса о содержании и сфере употребления пространственных понятий является актуальной. Современные исследователи указывают на важность организации поэтического произведения при помощи локуса и топоса.

Топонимика сегодня оказывается одним из центральных понятий смежных дисциплин: литературоведение, лингвистика, семиотика, лингвокультурология, и др.

Локус и топонимика, как способы познания действительности, играют важную роль в формировании лирического текста в поэзии А.М. Городницкого, так как являются способом познания и отражения реальности, способствуют пониманию авторской позиции в произведении.

Каждый поэт реализует свое право на видение и творческое воплощение петербургской темы; но, обращаясь к ней, оказывается перед лицом уже сложившихся в этой области представлений и традиций, давних или же только зарождающихся. Для А.М. Городницкого, в силу его биографии, профессии, рождения и взгляда на действительность, большое значение имеют пространственные знаки, которые он, осознавая себя ленинградским поэтом, реализует в своих стихотворениях.

Поэзия А. Городницкого в результате интенсивного изучения в последние годы получила разностороннее освещение в литературоведении и критике. Глубоко исследованы образный, тематический, лингвопоэтический аспекты творчества поэта. Творчеству А.М. Городницкого посвящены сотни статей, рецензий, научных докладов, кандидатские и докторские диссертации. Среди многочисленных критических и литературоведческих работ можно выделить несколько тематических векторов. Изучению образного мира поэзии А. Городницкого посвящены, например, работы Е.В. Купчик: «Картина образного мира», «А. Городницкий: образ мира и мир образов», «Образ дома», «Репрезентация концепта «смерть» в поэзии А. Городницкого», «Небо в поэзии А. Городницкого», «Поэт и его эпоха в лирике А. Городницкого», а также «Словарь поэтических образов». Серьезный вклад в изучение творчества А.М. Городницкого внесли следующие исследователи А.А. Кобринский – «Время и слово», «Время Городницкого»; Ничопоров И.Б. – «Русская история в стихах и песнях: поэзия А. Городницкого», «Классика авторской песни на современном этапе: песенно-поэтическое творчество А. Городницкого 1990-х гг.» и др. Вопрос о пространственных знаках в поэзии А.М. Городницкого на сегодняшний день остается практически открытым, что и определяет актуальность и новизну исследования.

Исследование пространственных знаков Санкт-Петербурга в лирике А.М. Городницкого даёт возможность, с одной стороны, проследить развитие темы родного города в творчестве поэта, с другой – выявить литературоведческий аспект топонимического подтекста в поэзии А. Городницкого.

Цель исследования – выявить роль, значение и функции пространственных знаков (локус и топонимика) Петербурга в творчестве А.М. Городницкого.

Данная цель предполагает решение ряда **задач**:

- выявить роль пространственных знаков (локуса и топонимики) в организации лирического текста;
- рассмотреть и проанализировать традиции топонимики в русской поэзии;
- классифицировать пространственные знаки в поэзии А.М. Городницкого;
- проанализировать топонимический подтекст в поэзии А.М. Городницкого.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы**: сравнительный метод; метод анализа критической литературы; гипотетико-дедуктивный метод, анализа и синтеза литературного произведения.

Объектом исследования являются пространственные знаки Петербурга в лирике А.М. Городницкого.

Предмет исследования – функции локуса и топонимики в создании топонимического подтекста лирики. А.М. Городницкого

Материалом исследования является лирика А.М. Городницкого.

Теоретико-методологической основой работы служат работы О.А. Лавреновой «Географическое пространство в русской поэзии XVIII – н. XX вв.», Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города», В.Н. Топорова «Миф. Ритуал. Символ. Образ», В.С. Баевского «История русской поэзии 1930-80 гг.», К.А. Афанасьева и В.В. Захарова. «Петербург – Петроград – Ленинград в русской поэзии», а также Петербург в русской поэзии XVIII – 1-ой четверти XX в.

Практическая значимость исследования заключается в выработке комплексной методики анализа локуса Петербурга и топонимики в поэтических текстах и возможности использования результатов работы в школьном и вузовском преподавании таких предметов, как «Литература XX века», «Литературоведческий анализ художественного текста».

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей 73 источника. Во введении определяется тема дипломной работы, её актуальность, научная новизна, степень изученности, гипотеза, обосновывается цель, задачи исследования, методы, объект и предмет исследования, а также его практическая значимость и структура.

Первая глава посвящена рассмотрению локуса и топонимики как категории поэтического текста с точки зрения литературоведения, а также рассмотрению топонимического подтекста Петербурга в русской поэзии с XVIII – XX вв.

Во второй главе анализируются пространственные знаки Санкт-Петербурга и образ города – Петербурга-Ленинграда в поэзии А.М. Городницкого, анализируется топонимический подтекст в его поэзии, разработана классификация пространственных знаков на определенные типы.

В заключении подводятся итоги работы и делаются общие выводы.

1. Роль локуса и топонимики в организации лирического текста

1.1. Функция локуса в поэтическом тексте

Термин «локус» стал использовать Ю.М. Лотман (позаимствовав у С.Ю. Неклюдова написанный на латинице «locus») как определённое место, к которому твёрдо приурочен лирический герой. Такой локус становится функциональным полем, который связан с конфликтной ситуацией. В филологии «локусы» принято считать закрытыми пространственными образами, потому что локус соотносится с конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности и к закрытым культурным фрагментам пространства. Такое пространство представляет собой «систему точек и зон». Локус может быть как внешним, так и внутренним. Также выделяются локусы, лишённые имени и поименованные, которые в основном выражаются в тексте топонимами, которые свою очередь разделяются на исторически обусловленные и свободные. Для локуса как пространственного знака, установленного в поэтическом тексте, немаловажны признаки, которые относительно равны существующему в действительности объекту и культурной значимости этого объекта для общества. На этой основе и строятся стереотипные или индивидуальные представления о нём. Художественный локус для русской культуры предстаёт в трёх основных планах – страна, город, дом. Как пространственный образ локус может образовываться из подлокусов, которые являются в тексте семантическими полями ограниченного восприятия пространства поэтом. В локус могут входить и имена собственные, как элементы, входящее в семантическое поле (город – Петербург, Ленинград и пр.) и организующие его (Петербург – дворцы, мостовые). Разделение на «малые» и «большие» локусы (тоже самое локусы и подлокусы) прослеживается в статье у В.Н. Топорова «К «петербургскому» локусу М.Кузмина» [60, 275].

Локусами принято называть подразделения топосов как «самых крупных областей художественного пространства»; локусы «...определяют функции топосов и определяются ими, в отношениях к различным локусам проявляются характеры и даже идеология персонажей» [8, 98]. Краковский литературовед и культуролог В.С. Щукин также разводит понятия топос и локус, понимая под первым «достаточно обширную территорию, включающую в себя целый ряд локусов». Локус понимается как вполне конкретный, легко и точно локализуемый топографический «уголок». «Локус обладает не только топографической, но и во многих случаях также жанровой определённой, которая задаётся социальной и культурной предназначенностью» [63]. Таким образом, если топос – это обобщенное место разворачивания определенных смыслов, то локус представляет собой некое ограниченное пространство художественного текста, имеющее референтную соотнесенность с действительностью.

Начало локусу Санкт-Петербурга было положено ещё на рубеже 20-30-х XIX в. А.С. Пушкиным («Уединенный домик на Васильевском», 1829 г., «Пиковая дама», 1833 г., «В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из «Пиковой дамы» (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип – тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться» [25]. «Медный всадник», 1833 г., также ряд «петербургских» стихотворений 30-х годов). Это начало уже в 30-е годы XIX в. было подхвачено петербургскими повестями Н.В. Гоголя и его петербургскими фельетонами, печатавшимися в «Современнике», и лермонтовским отрывком «У графа В. был музыкальный вечер», 1839 г. (существенны и некоторые фрагменты «Княгини Лиговской», 1836 г., начало романа, где задан один из сквозных мотивов Петербургского локуса, многократно воспроизводимый). В 40-50-е годы – оформление петербургского локуса в его «низком» варианте – бедность, страдание, горе XIX в. – и в «гуманистическом» ракурсе, первые

узрения инакости города, его мистического слоя – почти весь ранний Достоевский, включая и «Петербургскую летопись» (также Аполлона Григорьева, чья роль в осознании Петербурга весьма значительна – оба «Города» «Да, я люблю..., 1 января 1845 года, и Великолепный град! пускай тебя иной...», «Прощание с Петербургом», 1846 г., проза – «виталинский» цикл и другие, особенно статья о Достоевском и школе сентиментального натурализма, но и Буткова, Некрасова, авторов многочисленных повестей о «бедных чиновниках», Победоносцева, Гончарова, В.Ф. Одоевского, начинавшего несколько ранее, Соллогуба, Панаева, Дружинина, недооцененного в плане петербургской темы М.М. Достоевского). В 60-80-е годы – петербургские романы Достоевского (но и Григорович, Вс. Крестовский, Полонский, Писемский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лесков, Случевский, Генслер, Михневич, из поэтов Тютчев, Надсон, Апухтин, тот же Случевский и др.). В начале XX века – центральные фигуры Петербургского текста – Блок и Андрей Белый («Петербург»); особого упоминания в этой связи заслуживают Анненский и Ремизов («Крестовые сестры» и др.), ср. также Коневского, рубеж двух веков, Мережковского, Сологуба, Гиппиус, Вяч. Иванова, Кузмина, А.П. Иванова, старшего брата Евгения Павловича Иванова, автора повести «Стереоскоп», из числа лучших образцов петербургской гофманианы. С 10-х годов – Ахматова, Мандельштам, несколько раньше – Гумилев. В 20-е (и до рубежа с 30-ми) годы – прежде всего Вагинов, стихи и проза которого представляют своего рода отходную по Петербургу, как бы уже по «сю» сторону столетнего Петербургского текста и Петербургского локуса. Так и у А.М. Городницкого локус Петербурга, скорее Ленинграда, имеет важное значение в поэзии, который складывается из тех самых исторически сложившихся пространственных знаков, используемых ранее вышеперечисленными писателями и поэтами на протяжении истории русской литературы, от создания самого города Санкт-Петербурга.

«Но уникален в русской литературе Петербург и тем, что ему в соответствие поставлен особый «Петербургский» локус, точнее, некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. Только через этот текст Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального. Санкт-Петербургский локус может быть определен эмпирически указанием круга основных текстов русской литературы, связанных с ним, и соответственно хронологических рамок его» [60, 154].

«Первое, что бросается в глаза при анализе конкретных текстов, создаваемые Петербургский локус – удивительная близость друг другу разных описаний Петербурга как у одного и того же, так и у различных авторов, – вплоть до совпадений, которые в другом случае могли бы быть заподозрены в плагиате, напротив, подчеркиваются, их источники не только не скрываются, но становятся именно тем элементом, который прежде всего и включается в игру. Возникает впечатление, что Петербург имплицитно свои собственные описания с несравненно большей настоятельностью и обязательностью, чем другие сопоставимые с ним объекты описания (например, Москва), существенно ограничивая авторскую свободу выбора. Однако такое единообразие описаний Петербурга, воссоздающее первоначальные и предварительные условия для формирования Петербургского локуса и текста, по-видимому, не может быть целиком объяснено ни сложившейся в литературе традицией описания Петербурга, ни тем, что описывается один и тот же объект, а описывающий пользуется имеющимися в его распоряжении «шаблонами». Во всяком случае единство описаний Петербурга в Петербургском тексте не исчерпывается исключительно топографическими, климатическими, этнографическими, бытовыми, пейзажно-ландшафтными и культурными характеристиками города. Предварительные условия образования Петербургского локуса должны быть дополнены некоторыми другими петербургскими

пространственными знаками, чтобы текст стал реальностью. Главное из этих других условий – осознание или «прочувствование-переживание» присутствия в Петербурге некоторых более глубоких сущностей, кардинальным образом задающих поведение героев структур» [60, 203].

1.2. Топонимика в организации поэтического текста

Топонимика в поэтическом тексте представляет собой образную специфику, национальный колорит и входит в понятие «язык поэта»; определяет стиль поэта. «Топонимика (от греч. место и имя, название) – наука, изучающая топонимию, т.е. географические названия населенных пунктов, улиц, площадей, озёр, рек (название водных объектов гидронимы), гор и др., а также их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение» [23, 264].

«В поэзии топонимы занимают место пространственных ориентиров действия, а также употребляются в качестве дополнительных средств характеристики изображаемого. Топонимы можно разделить на два ключевых вида: реальные, которые существуют в действительности, и вымышленные, созданные творческим воображением поэта. Топонимы, будучи элементом структуры стихотворения, выполняют специальную эстетическую и семиотическую функции. Так, названия улиц Петербурга имеют не только «фоновый» характер, но и подчинены решению конкретных идейно-эстетических задач» [70, 457].

Взаимосвязь художественного пространства текста с реальным географическим пространством, с конкретным местом на карте, с определённой адресностью по отношению к заданным точкам земли создаёт геопоэтическое пространство стихов, включающее в себя особые топосы пространства, формирующиеся в эксплицитном выражении пространственных координат, географических имён и системой лексических

и грамматических языковых средств. Текстовые и языковые средства выражения культурного ландшафта формируют основу геопоэтики текста. Текстовые средства выражения геопоэтического пространства текста включают:

- 1) заголовки, выполняющие по отношению к тексту тематическую функцию (номинация);
- 2) подзаголовки, уточняющие координаты объективного пространства, отображенного в тексте;
- 3) постпозитивные ремарки, определяющие координаты объективного пространства, даже если они не заданы в заглавии или в самом поэтическом тексте. Так, у А.М. Городницкого данные конструкции отличаются особой детализацией: Туруханский край, р. Северная (приток Нижней Тунгуски); Туруханский край, р. Колю; НИС «Дмитрий Менделеев», Ново-Гвинейское море, атолл Хермит, погружение на подводном аппарате «Пайсис».

Геопоэтическое пространство текста включает в себя как воссоздание реального географического пространства, так и исключительные сегменты ирреального, идеализированного личностного пространства автора, которое воплощается через изображение вымышленных стран, городов, островов, рек. У А.М. Городницкого, в его поэтических текстах таких примеров чрезвычайно мало: «Все мне снится мой город родной/ Где встречаются Невский с Арбатом».

Топонимы безусловно непрерывно связаны с историческим прошлым, располагают «потенциалом культурно-исторических знаний, сознательно пробуждаемых автором и создающих пространственно-временной континуум». Функционирование топонимов, как знаков определённых культурно-исторических событий, особенно характерно для геопоэтического текста А.М. Городницкого: «Александровский парк», «Васильевский остров-1», «Дворец Трезини», «Горный институт», «Памятник Петру I», и мн. др. С другой стороны, топонимы могут быть нацелены в «будущее или могут быть

знаками фантастического и мистического, ещё не освоенного человеком и незнакомого ему мира». Топонимы могут включать в себя содержание ряда поэтических текстов и приобретать символическое значение, что даёт возможность говорить о Петербурге А.М. Городницкого.

Геопэтика в авторском прочтении метод, при помощи которого создаются тексты; наука о мире, в которой категория «поэтического» оказывается первостепенной. Можно полагать, что геопэтика – это специфичный метод письма, аналогичный путевому дневнику интеллектуала, или индивидуальный вид литературоведческих изысканий, ориентированных на том, как пространство разворачивается в слове. Художественное произведение, образ могут вырастать из географического пространства, пейзажа, ландшафта, города; питаться ими – но и одновременно фактом своего существования создавать их. Поэтика пейзажа – ещё не геопэтика, но пейзаж, осознаваемый как геопэтический образ, уже есть геопэтическое орудие. Геопэтика – это широкое междисциплинарное ментальное поле на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой локально, регионально, иначе говоря – пространственно. Местность, схваченная как образ – поэтический, прозаический, эссеистический, непринужденно и наиболее качественно (среди всех возможных способов), наиболее экономно географизируется. И тогда геопэтика проявляется как наиболее совершенный, идеальный образ самой географии. Земной шар «упаковывается» геопэтическими образами, как путевой чемодан, и становится компактным, как маленький томик излюбленных стихотворений. Страна может быть представлена геопэтически – плотными и насыщенными образами, впитавшими ауру опавшей листвы и последней электрички. Геопэтику можно назвать нетрадиционной географией – область за пределами традиционной, научной и учебной географии; она изучает образование мысли, задача её – увидеть, рассмотреть образ.

Художественное произведение, путевые записки, воспоминания, дневники путешествий, письма; картины, наброски; рисунки географические карты, не обязательно сделанные профессиональным географом или картографом, объединяются понятием текста – мысленного пространства; мысли, мыслящейся пространственно, раскрыто. «Текст поэтического произведения можно представить как пейзаж, ландшафт, прекрасный вид – с домами, улицами и другими сооружениями; совокупность названия географических объектов. Топонимы определяют текст как местность, край, область, размечают его географические границы. Топоним в литературоведческом смысле – это точка зрения, обзора; высота, с которой виден ландшафт этого текста; имена гор, холмов, возвышенностей текста. Топонимы – это особые образы, которые несут художественные и смысловые функции, роль, связанную с ассоциациями поэтов, их эстетическими воззрениями и эмоциональным миром. Топонимы призваны притягивать, собирать, наращивать все возможные смыслы при прочтении и в тот же момент расширять сам текст, делать его объемным, более прозрачным, более удобным в прочтении» [73]. Топонимы являются не просто объектами, исполняющие одну из важных целей в жизни региона. Они ещё и социальная память. В их происхождении принимали участие сотни и тысячи людей различных национальностей. Для большинства поэтов названия являются частью, их индивидуальной биографии как незабвенные исторические события, неотделимо переплетенные с их нелегкой судьбой. В этом-то и состоит социально-философский смысл топонимики как значительного элемента сознания личности, отображающего преемственные связи поколений. Вот почему географические названия следует рассматривать более глубоко и в тесной взаимосвязи с общественной жизнью.

В лирике топонимика говорит нам о себе своими улицами, площадями, реками и каналами, островами, садами, зданиями, дворцами, памятниками. И это всё открывает нам картину восприятия города поэтом.

Любой топоним города, как и сам город, наделен тайною, душой и историей самого поэта. Каждый поэт по-разному изображает топонимику в своей поэзии, так как у каждого свои личные воспоминания, связанные с тем или иным местом, некоторые поэты описывают подробно топонимы, а кто-то вскользь упомянет какой-либо топоним. Поэтическая география А.М. Городницкого феноменально широка по охвату географического пространства и исключительно глубока по культурно-историческому и символическому содержанию. Только в минимальном контексте ленинградские топонимы имеют чисто географическое значение и этнографическую окраску. В более широком контексте, в лирическом сюжете стихотворений петербургские топонимы приобретают широкие поэтические возможности и участвуют в создании образа Петербурга-Ленинграда. В силу этого появляется необходимость тщательно исследовать ленинградскую топонимию в составе поэтической системы топонимов А.М. Городницкого в целом.

В творчестве А.М. Городницкого топонимы обладают определенным геокультурным содержанием и организуют систему топохронов, которые «раскрывают культурное пространство». Ленинградские топонимы присутствуют в поэтическом описании определенных историко-культурных зон Петербурга. Далее они последовательно рассматриваются. Таким образом, ленинградские топонимы в поэзии А.М. Городницкого не образуют собственной системы, а входят в другие, более обширные, топонимические системы, которые связаны с разнообразными историко-культурными зонами. Это взаимообусловлено тем, что географические названия А.М. Городницкий использует в символических функциях для выражения своих исторических взглядов, а не для создания пейзажей, отражающих природный и культурный ландшафты Петербурга (Ленинграда).

1.3. Традиции топонимики Санкт-Петербурга в русской поэзии

Топонимика является основой в организации лирического текста в русской поэзии, начиная с XVIII века. Представления о топонимике весьма разнятся у поэтов, различна и степень географичности их творчества. Например, «поэт и ученый М.В. Ломоносов, обладая обширными и детальными географическими познаниями, очень свободно апеллирует к топонимам в своих поэтических произведениях, ибо география служит для него одним из источников вдохновения» [40, 31].

В поэзии XVIII века присутствуют самые крупные природные объекты, имеющие максимальную значимость в культуре России – Черное, Каспийское моря, Волга, Нева, Дон; Кавказские и Уральские горы. Сибирь занимала большее пространство в поэзии, для «акцентирования мощи и широты российской державы» [40, 31]. Особо следует сказать о российских городах в поэзии. Вполне естественно, что и по употребляемости и по смысловой нагрузке превалирует Санкт-Петербург и Москва. «Петрополь, Град Петров, Пальмира Севера – величественные обращения; и просто, подомашнему – Санкт-Питре, Питер» [40, 31], – так обозначается в русской поэзии Санкт-Петербург. Подобное множество «имен» столицы говорит и первоочередной значимости города в культуре страны и о том, что светские круги, к которым принадлежали поэты XVIII в., признают этот город своим. «Слава Петербурга распространяется и на Неву – часто встречающиеся определения «гордая», «светлая» и т. п.» [40, 32]. Личное пребывание поэтов в различных городах отпечатывается в их поэзии. А свое «постоянное место жительства упоминает в своей поэзии лишь Г.Р. Державин. Село Званка Новгородской губернии присутствует в его поэзии наравне с Санкт-Петербургом и Москвой. Это неудивительно, поскольку для классицизма

XVIII в. было нехарактерно включение личных моментов в поэзию, и Г.Р. Державин был первым, кто позволил своей биографии вторгнуться в лирику» [40, 32].

Петербург в поэзии стал символом торжествующего и процветающего самодержавия. Вырастали невысокие каменные здания и наскоро построенные дворцы среди прорезающих каналов, и хвалебные оды Тредиаковского, Сумарокова воспевали их пышность и могущество. Петербург к концу столетия приобретает в поэзии новые черты. Он – уже не только царский дворец и его окружение. «Сквозь восхваления начинают проступать некоторые частности городского пейзажа, как бы оживают улицы и площади. Но все явственней звучит нота любования архитектурной красотой города и его идейным центром – конной статуей Петра. Петербург к этому времени – один из красивейших городов Европы» [5, 4].

Для топонимики в XIX в. характерна следующая тенденция – «значительная детализация представлений о внутренних территориях России. Личная пространственная биография поэтов имеет в поэтических текстах то же значение, что и пространственная история страны. Мелкие населённые пункты, сёла, деревни, аулы, ничем непримечательные речки и урочища подобным образом обретают новое значение и смысл – известные литераторы упоминают их в своих стихотворениях и даже подробно описывают» [40,33] . С этого момента ранее незаметный в масштабах страны топоним становится полноправным составляющим поэтического текста. Но топонимика поэзии у каждого поэта своя собственная, соответствующая «личной геобиографии» [40, 33].

Российское пространство к западу от Урала в поэзии XIX в. имеет гораздо большую детализацию, нежели в предыдущем веке, и не только благодаря микрогеографии пространственных биографий поэтов. «Явно прослеживается процесс информационного освоения пространства России русской культурой. В результате образ России приобретает ранее

несвойственную ему детальность, становится более близким, понятным и освоенным», благодаря самым крупным природным объектам, которые сохраняют свою значимость в поэзии на протяжении всего XIX в.: Чёрное и Каспийское моря, Волга, Дон, Нева, Днепр, Кавказские и Уральские горы являются «каркасом» [40, 33].

В этот период Нева приобретает отрицательную эмоциональную окраску. «Если в XVIII в. она была только «гордой» и «светлой», то в XIX в. Нева – «мрачная» (Пушкин), «грозная, угрюмая» (Некрасов). Но одновременно она же – «широкая, шумная» (Пушкин), «задумчивая» (Тютчев), «царственная» (Некрасов)» [40, 33]. Такое неоднозначное отношение к реке обусловлено перенесением на нее представлений о Санкт-Петербурге и восприятие её как символа столицы.

Что касается российских городов, то в сравнении с XVIII в. их роль в поэзии заметно усилилась. Особое место в поэтическом творчестве занимает Москва и Санкт-Петербург.

«Санкт-Петербург в русской поэзии XIX в., как и в предыдущем столетии, название этого города всё время варьирует, что сильнее выделяет его на фоне других городов. Град Петров, Петрополь, Петроград, Питер – так именуют столицу поэты XIX в. С течением времени стерлись восторги по поводу Пальмиры Севера, глубже стало осознание, как величия решения Петра, так и существенных его недостатков» [40, 36], ибо «к 1830-м гг. Петербург сделался городом культурно-семиотических контрастов» [43, 21]. Недостатки города не мешают признаваться городу в любви: «Люблю тебя, Петра творенье,/ Люблю твой строгий, стройный вид,/ Невы державное течение,/ Береговой ее гранит...» (А.С. Пушкин).

«Безмерно усложняется и даже двоятся облик города, отраженный в зеркале русской поэзии. И начало его нового, двойного бытия гениально предсказано пушкинским «Медным всадником». Вступление к поэме – торжественный гимн стройности и красоте невской столицы, но в ней есть

«гигант на бронзовом коне», который «Россию вздернул на дыбы» [5, 5]. Линия осуждения и обличения к 40-м гг. XIX в. все громче заявляет о себе. Петербург – уже не город величественных дворцов, это «город тёмных окраин и низких лачуг» [5, 6].

Некрасовский Петербург – это «пёстрая панорама жизни улиц, площадей, рынков, в трагическом сопоставлении нагло бьющей в глаза роскоши. Он изображает театры, клубы, игорные дома и больницы для бедняков» [5, 6]. Архитектурный образ Петербурга в посленекрасовский период поэзии как бы обволакивается туманом из болотистых, окраинных предместий. Топонимика и сам облик города приняли мрачный, скорбный вид, скупая северная природа соперничала поэтам. Скудность городского пейзажа.

«В начале XX в. в русской поэзии развиваются и углубляются тенденции, начавшие проявляться в предыдущий период» [43, 37]. В пространственных представлениях о России много внимания уделяется двум столицам – Москва и Санкт-Петербург. Также упоминается в поэтических произведениях Нева. «Нева сохраняет двойственный характер, напрямую связанный с той же двойственностью образа Санкт-Петербурга в поэзии. Она представляется как «дымная, бледная» (Пастернак), «чёрная, тяжёлая» (Мандельштам), «мутно плещущая» (Брюсов), но и как «исполинская, вечная, холодная» (Блок). Но в сравнении с началом XIX в. Нева теряет неизменность присутствия в творчестве русских поэтов» [43, 38].

«Санкт-Петербург в поэзии Серебряного века по-прежнему изображается по-разному и имеет несколько названий-синонимов, количество которых сокращается в сравнении с предыдущими столетиями. Теперь встречающиеся в поэзии синонимы Санкт-Петербург – Петроград, Питер, Петрополь» [43, 40].

В моду вошли исторические эссе и монографии, посвященные старинным гравюрам петровских, екатерининских времён. Это увлечение

«старинной не могло не отозваться и в поэзии, преломлявшей архитектурный облик столицы сквозь призму подчеркнутого эстетизма. Но было и нечто новое в трактовке привычного образа. Поэты предреволюционной эпохи не довольствовались прямым воспроизведением зримой красоты городского строгого пейзажа. Они вносили в свои строфы и оттенки историзма. Так было со стихами В. Брюсова, Вяч. Иванова и в особенности О. Мандельштама: «Чудовищна, как броненосец в доке/ Россия отдыхает тяжело/ А над Невой посольства полумира/ Адмиралтейство, солнце, тишина!» [5, 8].

Петербург с его пригорками, парками и дворцами все чаще становится фоном и для интимно-лирических переживаний, с необыкновенной четкостью и выразительностью живущих в любовной лирике А. Ахматовой. «В поэтической топонимике Ахматовой главнейшее и даже определяющее место в творчестве и судьбе занял, конечно, Петербург. Ахматовская поэзия глубоко родственна самому облику города – торжественным разворотам его улиц и площадей, плавной симметрии знаменитых набережных, античным атлантам, соборам» [50, 9].

«Внимание к подробностям, деталям пейзажа, приметам времени и места станет отличительной чертой стихов А. Ахматовой о Петербурге. Вспомним слова В.М. Жирмунского: «Петербургский пейзаж... был её поэтическим открытием» [26, 304]. В самом деле, откроем любую книгу Ахматовой и почти на каждой странице увидим, что все происходившее с лирической героиней совершалось «в чудесном городе Петровом». «Петербург для неё – «город, горькой любовью любимый». Нева, Фонтанка, Невский, каналы и отдельные дома – среда обитания человеческого духа.

В последний раз мы встретились тогда
 На набережной, где всегда встречались.
 Была в Неве высокая вода,
 И наводнения в городе боялись.

Она убеждена, что «под аркой на Галерной наши тени навсегда», радостно сообщала: «Вновь Исакий в облаченье/ Из литого серебра./ Стынет в грозном нетерпеньи/ Конь Великого Петра...». Город незримо будет жить во всей её поэзии, он как бы неперемный участник всего происходящего с людьми, наделен особым волшебством» [29, 64]. «Уже первая встреча с образом Петербурга в лирике Ахматовой создает впечатление о городе, который живёт, заблуждается, страдает, меняется, подобно человеку; он бывает беспутен, несправедлив, жесток, но он прекрасен, душа его божественна» [41].

Наиболее особое место занимает город «в страстной и горестной поэзии» [5, 8] Блока. Он любил окраины – фабричные заставы. «У Блока нет подробных описаний города, почти нет конкретных архитектурных деталей, мало примет именно Петербурга: одна из колонных групп Клодта на Аничковом мосту, Медный всадник, латник на кровле Зимнего дворца, Елагин мост, часовня на Крестовском острове, Петропавловский шпиль, площадь Сената» [52, 39]. Всё творчество А. Блока пронизано духом Петербурга, насыщено его атмосферой. Хотя А. Блок довольно редко называет в своих стихах вещественные детали петербургского пейзажа, весь ландшафт его поэзии неразрывен в нашем восприятии и представлении от этого пейзажа – от петербургских белых ночей, туманов бледной зари, широкого течения Невы и свежего морского ветра.

«Петербург предстает фоном, а чаще и персонажем в художественных произведениях большинства писателей начала XX века. Важное место занял Петербург в творчестве Маяковского, более всех русских поэтов отдавший большее внимание архитектуре, которая оказывалась в полном смысле слова персонажем его произведений. Взамен «мистического реализма» Блока у Маяковского решительное отрицание новой, а для него уже старой буржуазной культуры. Заинтересованность поэта к урбанистическому пейзажу определённого свойства: он был ещё и живописцем и графиком и

много писал современный Петербург и его окрестности. Как художник он острее других ощущал характерность новой архитектуры, как поэт и гуманист видел ее бесчеловечность, и это отношение сохранил до конца жизни. Ему одиноко и тоскливо в городе, где «под пьяные клики строится гостиница «Астория»». В Послеоктябрьских поэмах «Про это» и «Хорошо» снова подчеркивается бесчеловечность города начала века: «Здесь город был. Бессмысленный город». Упоминаются и конкретные здания – гостиница «Селект» (Лиговский пр., 44), гостиница «Англетер», дома на Обводном канале и др.

Исключительной остроты и образности в изображении города достиг Заболоцкий в стихах 1920-х годов: «Огромный дом, виляя задом, летит в пространство бытия». Он по-своему прославил Дом книги, Обводный канал, над башней которого «рвался шар крылатый», похожие на «замки» заводские корпуса, Народный дом – «курятник радости, амбар волшебного житья».

«В поэтических текстах Н. Гумилёва топонимы попадают весьма часто. Как правило, они употребляются для воспроизведения индивидуального географического пространства: Мадрид, Генуя, Неаполь, Красное море, Египет, Сахара, Суэцкий канал, Судан, Либерия и др. Географические названия места действия и описание этих мест, точная пространственная адресация упрощают осознание художественного текста, адаптируют читателя на реалистическое восприятие информации. Используя топонимы, поэт реализовывает географическую специфику описываемого события, привязывает его к действительности. Даже за пределами текста топонимы охватывают информацию о специфичном пространстве, поэтому у Н. Гумилёва они довольно часто выполняют функцию заглавия: «Абиссиния», «Галла», «Сомалийский Полуостров», «Либерия», «Мадагаскар» и др.

Топонимы, которые обозначают конкретное географическое пространство, в лирике Гумилёва включаются в систему ярких, наглядных

метафорических выражений, отображающих самобытное восприятие поэтом реального пространства. Ассоциации поэта нестандартны, сугубо персональны, он определяет основной для описываемой местности образ, признак и переосмысливает его, эстетически трансформирует» [24, 158].

Потребовались десятилетия, испытания Великой Отечественной войны, прежде чем писатели по-новому, более проникательно рассмотрели Петербург модерна. Лев Успенский писал восторженные строки о самой северной мечети мира, без которой, по его мнению, не мыслим пейзаж Петроградской стороны.

Авторы выстроили сложный мир образов, где архитектура – не фон, а живой персонаж, который помогает осмыслить переживания героев.

В последнее время напечаталось немало книг и стихотворений с изображениями отдельных зданий, в частности, интерьеров модерна» [48].

«Портреты городов – один из главнейших пластов художественного мира Б. Окуджавы. Это жанровое образование, сложившееся еще в эпоху Серебряного века – в стихах и циклах А. Блока, В. Брюсова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама и др., – стало немаловажным открытием в поэтической культуре XX столетия. Разноуровневые по «географии» (от Тбилиси, Москвы, до Иерусалима, Парижа, Варшавы и т.д.), жанровым признакам, социально-историческому содержанию, философскому, стилистике – в песенной поэзии Окуджавы они стали сквозными: от «песенок» конца 1950 – середины 1960-х годов, где они преимущественно многочисленны, – до итоговых стихотворений. Одним из самых ранних городских портретов стало стихотворение «Нева Петровна, возле вас – всё львы...» (1957). Действительность ландшафта северной столицы (Нева, проспект, мраморные львы) оказываются здесь в интимно-лирическом отсвете любовного послания. На первом плане – обращенность героя к женской прелести Невы, облеченной в «платье цвета белой ночи».

Стихотворение «Летний сад» (1959), запечатлелся в образе Петрограда в пору тяжелых испытаний гражданской смуты, где страждущая душа города находится в «помутневшей» воде Невы, в «цепеневших» белых статуях Летнего сада. Историческим катаклизмам противостоит здесь устойчивое рукотворно-природное существо города, сохранившего память о горьких уроках истории: «Белым статуям непременно мерещится помутневшее небо над Питером...». Описательность первой части стихотворения уступает далее стихии живого диалога лирического героя со статуями, с одушевленным городским космосом:

«– А куда ваш полет?! – В небо, в небо, в проходящие облака.../
– Чем вы жили, красавицы?! – Негой, негой: Так судили века...».

Городское пространство в поэзии Окуджавы образует и сферу непринужденного душевного и духовного общения лирического «я» с миром города, свободного от уз дневной суеты. Потому столь весом в портретах городов ночной, предрассветный пейзаж, претворяющий космос потаенных человеческих дум» [48].

Таким образом, на протяжении более, чем двух столетий была создана традиция создания образа Петербурга – Ленинграда через пространственные знаки (топос и локус).

Вывод: А.М. Городницкий развивает традицию использования пространственных знаков, заложенную в русской поэзии XVIII в. В поэзии Городницкого последнего десятилетия значительное место занимает петербургская тема, содержащая широкий спектр личностных и культурно-исторических ассоциаций и восходящим к творчеству еще 1970-х гг. В созданном Городницким поэтическом портрете родного города возникает целостное изображение как реального, так и мистического бытия северной столицы. В свои стихотворения, песни Городницкий вкладывает автобиографичность, чем соединяет себя с читателем, который, прочитав то или иное его произведение, может ознакомиться с Ленинградом –

Петербургом Городницкого, используя в своей поэзии локусы и топонимику Санкт-Петербурга, которые способствуют для полного понимания, восприятия и ощущения именно этого города. Ленинград связан с воспоминаниями, как о прошлом самого поэта, так и об историческом прошлом. Город, с одной стороны, дом детства и юности, образ, который прочно закреплен в стихотворениях, и к которому автор постоянно возвращается и наяву, и в воспоминаниях. С другой стороны, это только часть дома, который в целом предполагает для поэта весь Земной шар.

1. Функции пространственных знаков Петербурга в поэзии

А.М. Городницкого

2.1. Топонимический подтекст как знак в лирике А.М. Городницкого

Для изучения город – самый индивидуальный культурно-исторический организм. Мы постигаем его в связи с природой, которая откладывает свой отпечаток, город ясен нам не только во фрагментах, в частях, как любой исторический памятник, но во всей своей монолитности; наконец, он не просто прошлое, он живёт с нами своей современной жизнью, будет жить и после нас, являясь приютом и поприщем деятельности наших потомков.

История страны, история народа и, в частности, история города является одним из удивительнейших произведений искусства неведомого нам Творца, щедро предоставляющего нам возможность стать его соавтором. Каждый может удостовериться в том, что действительная и реальная история располагает всеми свойствами и качествами настоящего художественного произведения. Все художественные произведения, кроме частично или полностью утраченных, имеют начало и конец. Таким образом, как написано у А. Вельтмана в «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург»: «выехав из Санкт-Петербурга, проскочив Остроград, проехав Ленинград и въехав в Санкт-Петербург» мы получаем завершённый исторический сюжет.

Существенное место в поэзии А.М. Городницкого последнего десятилетия захватывает петербургская тема, содержащая свободный спектр личностных и культурно-исторических ассоциаций, восходящих еще к 1970-м гг. В созданном А.М. Городницким поэтическом портрете родного города создаётся единое изображение как реального, так и мистического бытия северной столицы.

Атланты Эрмитажа предстают одним из символов Санкт-Петербурга; именно они воодушевили А.М. Городницкого на написание песни «Атланты», 1963 г. Слово «атланты» произошло из греческой мифологии, где

Атлант был титаном, поддерживающим небесный свод и обращенным в камень (скалу).

Одушевлённые каменные статуи, воплощая могучее, надёжное ядро жизни «града и мира», вступают в таинственную взаимосвязь с многообразной геофизикой города: «Забывшие в веках/Атланты держат небо /На каменных руках. //А небо год от года/ Все давит тяжелей».

А.М. Городницкий обозначает, что Атланты несмотря ни на что стоят и «держат небо» над Ленинградом, «Их красоту снарядами» не сломали (во время ленинградской блокады, 29 декабря 1941 года, в портик Нового Эрмитажа попал снаряд; один из атлантов был повреждён особенно серьёзно – на его торсе образовалась рваная «рана»):

«Стоят они, навеки/ Уперши лбы в беду, // И жить еще надежде/ До той поры, пока/ Атланты небо держат/ На каменных руках» [16, 51].

Атланты, как некий символ, который представляет собой силу, мощь, красоту и вечность Ленинграда. Образ города, каким его видит А.М. Городницкий можно рассмотреть в стихотворении «Петербург», 1977 г. В этом стихотворении А.М. Городницкий делает своим предметом внимания прошлое Петербурга, кем был создан этот прекрасный город: «Кем вписан он в гранит и мох / Рисунок улиц ленинградских// А Петербург – неповторим / Как Европейская Россия» [16, 120].

Петербург это просторечное название Санкт-Петербурга (нем. город Св. Петра). Если же сравнить стихотворения «Петербург» и «Памятник Петру I», то увидим, что в различных ракурсах рисуется исторический и личностный портрет основателя города, главным в котором становится принцип парадокса. Если в первом случае эта парадоксальность носит индивидуально-личностный характер («Самодержавный государь, // Сентиментальный и жестокий»), то во втором шемакинская фигура «лысого царя без парика» получает символическую интерпретацию,

приоткрывающую потаенные стороны ликов русской истории и олицетворяющую «судьбы печальной горожан пророчество живое».

Образ Петербурга сопрягается у Городницкого и с входящими в контекст вековой мифологемы северной столицы раздумьями о парадоксальной, драматичной встрече здесь европейской цивилизации с «азиатчиной», которые в свете нового опыта XX в. обретают трагедийное звучание. В стихотворении «Санкт-Петербурга каменный порог...», 1994 г. создается эффект мерцающего «двоения» примет городского топоса, где «тонут итальянские дворцы, – // Их местный грунт болотистый не держит»[16]. Памятники Петербурга увиденны здесь в мифопоэтическом ореоле, а образный диалог с пушкинским «Медным всадником» наполняется умножившимися трагическими мотивами:

«И бронзовую лошадь под уздцы/ Не удержать – напрасные надежды./
И царь в полузатопленном гробу/ Себе прошепчет горестно: «Финита./
Империи татарскую судьбу/ Не выстроишь из финского гранита».

Для поэта город, с одной стороны прочно закреплён в душе, и к которому автор непрерывно возвращается и наяву, и в воспоминаниях:

«Я иду по Уругваю.../ Вспоминаю, вспоминаю,/ Вспоминаю
Ленинград...» [16, 173].

В стихотворении «Горный институт», 1992 г. напряжённые воспоминания о сожжённом «согласно решению парткома» сборнике студенческих стихов в институтском дворе, о «прилипчивом запахе холодного этого пепла» перерастают в символическое. В лирический монолог привносятся сюжетно-повествовательные элементы:

«Стал наш блин стихотворный золы неоформленным комом
В год венгерских событий, на хмурой осенней заре.
Возле топкого края василеостровской земли,
Где готовились вместе в геологи мы и поэты,
У гранитных причалов поскрипывали корабли,

И шуршала Нева – неопрятная мутная Лета» [16, 239].

Многочисленные в сборнике «Ледяное стремя» песни-воспоминания охватывают широкий диапазон жизненного пути героя, исторических судеб России, родного Ленинграда с послевоенного времени и отличаются напряженной сюжетной динамикой. В стихотворении «Очередь», 1995 г.:

«Мне часто вспоминаются во сне/ След осколков на соседнем доме//
Голодный быт послевоенных лет/ Под уютным ленинградским небом» [16, 286].

«Уцелевшие чудом на свете...» (оба – 1995г.) художественно запечатлелись «голодный быт послевоенных лет под уютным ленинградским небом», трагически окрашенные портретные зарисовки обожженных войной соотечественников – «аборигенов шумных коммуналок, что стали новоселами могил». Отразились в песнях этого ряда конкретные сюжеты, которые приобретают в них не только социально-историческую, но и обобщенно-философскую перспективу, как в стихотворении «Шестидесятники», 1995 г.:

«Некрасов, Добролюбов, Чернышевский,/ Дорогу в революцию
нашедший// Мы связаны одной светлой целью,/ Через века протянутой
цепью» [16, 282].

В автобиографической поэме «Окна» 1994 г. хронотоп северной столицы совмещает память героя о начальном этапе жизни и творческого пути, о первом приобщении к «яду поэзии» в послевоенном Литкружке во Дворце пионеров, где полулегальным способом поэт встретился с лагерными стихами В. Шаламова. Ключевой же образ окон оставленных когда-то квартир соединяет в поэме эпохальный и индивидуально-личностный масштабы бытия; фасадный облик Петербурга, городскую панораму – с миром сокрытых за этими окнами душевных переживаний, преодоленных вех земного пути: «Те окна города ночного,/ Что нынче стали далеки,/ Внезапно возникают снова/ Над изголовьем строки» [20, 461].

В песенной поэзии А.М. Городницкого «петербургский текст» оказывается сквозным и многоуровневым – от автобиографичных воспоминаний о Василеостровском роддоме, «За зиму не мытом окне» до масштабных исторических обобщений о разворачивающейся в Петербурге «русской трагедии на фоне европейских декораций» [16, 137].

Ленинград в стихах и поэмах Городницкого выступает как действующее лицо в воспоминаниях лирического «Я». В картинах послевоенного Ленинграда личное неотделимо от социально-исторического опыта соотечественников, драматичных судеб горожан – «болезненных детей Ленинграда». В стихотворениях «Дворы – колодцы детства моего...», 1974 г., «Ностальгия», 1979 г., «В краю, где одиннадцать месяцев стужа...», 1995 г., автобиографических лиро-эпических поэмах «Новая Голландия», 1962 г. и «Окна», 1994 г. из ностальгически припоминаемых бытовых подробностей повседневной жизни «дворов-колодцев», их запахов и звуков («И патефон в распахнутом окне // Хрипел словами песни довоенной») складывается объемный образ прожитого века: «Нас век делил на мертвых и живых. // В сугробах у ворот лежала Мойка». Финал пронизанного атмосферой «неуютного ленинградского неба» стихотворения «Очередь», 1995 г. перекликается с ахматовской поэмой «Реквием» – в утверждении слитности пути поэта с судьбами «аборигенов шумных коммуналок, что стали новоселами могил»: «Что вместе с ними я стоял тогда/ И никуда не отходил надолго» [16, 286].

Творческая рефлексия героя о прожитом горечь воспоминаний соединяется в стихотворениях «Стою, куда глаза не зная деть...» (1979), «Полагаться нельзя на всеильным казавшийся разум...» (1995) с лирическим преображением деталей городского пейзажа, воскрешающего образ первой – мучительной и влекущей любви: «И улыбнешься горестно и просто,/ Чтобы опять смотреть с Тучкова моста/ На алый остывающий витраж.» [20, 272].

«Видел лишь неподвижных – на шпилях и на колоннадах

Петербургских соборов и фресках Сикстинской капеллы,
Но с надеждой наивной слежу я слабеющим взглядом»[16, 287].

А в песне «Меж Москвой и Ленинградом», 1977 г. хронотоп обеих столиц «прошит» сквозным мотивом пути героя – в согласии с природными, вселенскими циклами: «Меж Москвой и Ленинградом/ Тёплый дождь сменился градом/ Лист родился и опал» [16, 115].

В «Ленинградской» песне, 1981 г. А.М. Городницкий говорит о том, что Ленинград так и останется для него Ленинградом и это его город, так как он здесь родился и вырос, а Петербург это уже не его родина: «Мне трудно, вернувшись назад,/ С твоим населением слиться,/ Отчизна моя, Ленинград».

Хотя поэт и любит этот город, но он понимает, что того прежнего Ленинграда нет, и не будет. Поэт любит город таким, какой он есть, с его серостью, теменью и нетекучестью жизни:

Но в плеске твоих мостовых
Милы мне и слякоть, и темень,
Пока на границах твоих
Любимые чужды тени. [16, 150]

Он понимает, что всё осталось практически по-прежнему в городе, но всё равно город уже не тот: «Дворцы и каналы на месте/ А прежнего города нет». Город одушевлен населяющими его «любимыми тенями», узнаваемыми «на гранитах», «в плеске мостовых». В многомерном хронотопе парадный лик «российских провинций столицы», выведенный в образах Невского, Зимнего дворца, легко уступает место прозаической стороне городской жизни, протекающей «в рюмочной на Моховой// Среди алкашей утомленных». В песне же А.М. Городницкого многоплановое видение города отразилось на уровне поэтического стиля, где возвышенная образность обрамлена интонациями задушевного разговора «за стопкой простой и граненой»:

Мы выпьем за дым над Невой

Из стопок простых и граненых –
 За шпилей твоих окоем,
 За облик немеркнувший прошлый,
 За то, что покуда живешь ты,
 И мы как-нибудь проживем. [16, 153].

В стихотворение «Из Ленинграда трудно видеть мир...», 1985 г. с одной стороны, подчеркивается желание вырваться за пределы города, так как «...Из Ленинграда трудно видеть мир,/ Устроенный не так же, а иначе...»;

С другой – постоянные возвращения к нему, так как «...хуже, что ни говори,/ Реальности жестокой вопреки нам,/ Жить вдалеке, давно его покинув,/ А видеть мир – как будто изнутри» [20, 316].

В поздних «петербургских» произведениях Городницкого бремя нелегкого личного и исторического опыта актуализирует генетически восходящую к давним мифам о «граде Петра» семантику непрочности городского пространства.

В стихотворениях «Когда я в разлуке про Питер родной вспоминаю...», 1991 г., «Постарел этот город у края гранитной плиты...», 1997 г. на первый план выступает скрытая «физиология», «анатомия» «тела» северной столицы. «Ностальгией последнею» позванный, лирический герой ощущает тяжесть исторической участи города в уходящем столетии, давящую «бездонными рвами Пискаревки»: «Исходит на нет кровеносная эта система,/ Изъедено сердце стальными червями метро».[20, 87].

Нелёгкое бремя истории, груз личных драм обитателей города, трагедия «канувших» «в бездонные рвы» блокадного лихолетья оказывают воздействие и на последующую «телесную», «геологическую» жизнь Ленинграда:

Еще под крестом александровым благословенным,
 Как швы, острова ненадежные держат мосты,
 Еще помогают проток истлевающим венам

Гранитных каналов пульсирующие шунты [20, 406].

Образ «постаревшего» города с «сутулыми спинами мостов» становится, однако, магическим кристаллом, в котором «молодой Ленинград допотопным глядит Петербургом», а вглядывающийся в него герой приобщается к вечности, надвременной диалектике начал и концов земного пути:

«Но когда ты внезапно поймешь, что тебя уже нет,
Напоследок вдохнув его дым, что и сладок, и горек,
Снова станет он юным, как тот знаменитый портрет,
Что придумал однажды британский блистательный гомик». [16, 378]

В поэзии Городницкого завершение макроцикла календарного столетия и микроцикла человеческого пути ассоциируется с родным миром Царского Села (песня «Царское Село», 1974), с малой точкой петербургского пространства, равновеликой мировой беспредельности:

«Между Невской протокой и мутною речкой Смоленкой,
Где с моим заодно и двадцатый кончается век.
И когда, уступая беде,
Я на дно погружусь, в неизвестность последнюю канув,
То увижу на миг не просторы пяти океанов, -
Надо мной проплывет на исходе финала
Неопрятный пейзаж городского канала,
Отраженный в холодной воде» [20, 540].

Петербург предстает в поэзии А.М. Городницкого и в протяженном культурно-историческом континууме. Если в стихотворении «Дом на Фонтанке», 1971 г. стержневым является схваченный в деталях портрет именитого поэта («На Фонтанке жил Державин / Двести лет тому назад»), то пространственные образы в песне «Около площади», 1982 г., стихотворении «Всем домам на Неве возвратили теперь имена...», 1995 г. предстают в диахронном разрезе, сохраняя следы личного присутствия героя, что когда-то

«над Невую бродил до рассвета». Напряженное раздумье о прожитом и пережитом в «хмури ленинградской» – о «судьбах пропавших, песнях неспетых, жизнях ненужных», ассоциируется с драмами отечественной истории («Площадь Сенатская...»), но при этом выводит нередко к чувству гармоничной органики городского бытия: «К небу, светлому в полночь, ладони воздели мосты».

В стихотворении «Старый Питер», 1998 г., в этой городской «минипоэме», запечатлевшей сложную целостность исторического опыта личности конца XX столетия, образ северной столицы, с её «хмурым» фоном, предстает как средоточие исторических «взрывов» в «медлительной пантомиме» веков: от народовольческого террора («высочайшею кровью окрасив подтаявший снег») до ГУЛАГа и «блокадного зарева»... Ассоциации с Петербургом Некрасова, Достоевского («Петербург Достоевского, который его ненавидел») подкрепляются живым присутствием мифологизированных фигур представителей культуры прошлого: «И тебя за плечо задевает Некрасов,/ Из игорного дома бредущий под утро домой» [20, 573].

Представая в качестве векового культурного хронотопа, Петербург А.М. Городницкого актуализирует память о трагических судьбах связанных с городом поэтов – в «скрытой» поэтической «дилогии» «Блок», 1985 г. и «Ахматова», 1978 г.

Если в первом стихотворении зловещий образный строй революционной поэмы, в чьем «названии слышится полночь», как бы порождает вокруг себя смятение городского мира («И мир обреченный внезапно лишается красок»), то в поэтическом осмыслении судьбы автора «Реквиема» тягостные подробности жизни блокадного Ленинграда просквожены дыханием роковой бездны Хаоса истории:

Непрозрачная бездна гудит за дверною цепочкой.

И берет бандероль, и письма не приносит в ответ

Чернокрылого ангела странная авиапочта [20, 266].

Характерная для поэзии Городницкого 1990-х гг. творческая рефлексия над особым мироощущением «стыка» эпох, тысячелетий вбирает в свое смысловое поле и образ Петербурга, словно подошедшего «к началу неизвестной новой эры» – «Над сумерками купчинских предместий // Над полуобезлюдевшим Литейным» («Минуту третьей стражи обозначив...», 1996).

Многопланово разработанная поэтом-певцом петербургская мифология наполняется историософским смыслом, а сам город обретает статус города-символа, города-мифа («Атланты», «Этот город, неровный, как пламя...» и др.).

В «петербургском тексте» Городницкого уникальность города диалектически соотнесена и с его особой, архетипической «всечеловечностью», культурным универсализмом.

В сознании поэта, имеющего богатейший опыт прикосновения к различным культурам и цивилизациям, данный образ множеством ассоциативных нитей соотнесен с окружающим миром. Это, например, свойственная приморским городам свободолобивая аура, ощутимая даже в таинственной жизни городских строений: «А здания, дворцы и монументы // Стоят, как бы высматривая судно» («Все города, стоящие у моря...», 1995). А в позднем цикле «Имена вокзалов» (1997-1999) «Ленинградских вокзалов пятёрка» знаменует органическую связь северной столицы с иными городами, культурами, пространственными типами мироощущения – в стихотворениях «Имена вокзалов», 1998 г., «Амстердам», 1997 г., «Венеция», 1997 г. и др.

Важно подчеркнуть принципиально лиро-эпическую природу «петербургского текста» Городницкого, где лирические медитации героя, социальная конкретность жизни горожан в прошлом и настоящем перерастает в многоплановые историософские размышления, которые

гальванизируются напряженной атмосферой стыка тысячелетий, культур, различных граней современного мироощущения.

2.2. Функции топонимического подтекста в лирике А.М. Городницкого

Топонимический подтекст, содержащий широкий спектр личностных и культурно-исторических ассоциаций и восходящий ко всему его творчеству, становится сквозным в лирике А.М. Городницкого. В созданном А.М. Городницким поэтическом портрете родного города возникает целостное изображение как реального, так и мистического бытия северной столицы.

В стихотворении «Топонимика» 2006 г. поэт показывает, что такое топонимика; актуализирует это понятие в лирическом тексте: «Слово «река» на угорском наречии «ва»./ Это известно зырянам с Девятого века./ Слово «Нева» означает холодную реку./ Грязную реку означало слово «Москва»» [13, 98.]

В песне «Снег», 1958 г.: «Над Петроградской твоей стороной/ Вьется веселый снежок, // И над бульварами Линий/ По-ленинградскому синий/ Вечер спустился опять [16, 23].

Городницкий включает топоним – Петроградская сторона (название с 1914 г., в связи с переименованием Петербурга в Петроград, прежнее название Петербургская сторона), которую поэт считает своей и если даже он с ней расстанется (Петроградской стороной), то она всё равно останется в его памяти и в песне, так как именно с этим районом связаны счастливые воспоминания:

Вплывь и пешком – как придется –
Песня к тебе доберется
Даже в нелетные дни [16, 24].

Известный сборник стихов «Коломна», который А.М. Городницкий посвятил округу Коломна, как старейшему району Санкт-Петербурга, где провел детство и юность, с которым связано множество воспоминаний.

В песне «Коломна», 2006 г. уже само название является топонимом. Название «Коломна», принесено мастерами из села Коломенского, переселённым в Петербург в 30-х годах XVIII века. Но для А.М. Городницкого Коломна, прежде всего – память о прошлом. В песне «Коломна» встречается множество топонимов, связанных с тем или иным воспоминанием:

«Был и я семиклассник зеленый,
И, конечно, в ту пору не знал,
Что ступаю на землю Коломны» [18,32]

Поэт вспоминает, когда он был еще школьником, он не понимал, что живет в известном историческом районе – Коломна. Далее возникают топонимы – Мойка, Фонтанка и Пряжка, которые неразрывно связаны с Коломной, так как именно ими окружен этот район и с которыми у Городницкого связано много стихов и песен.

Вдалеке от Ростральной колонны
Он лежит в стороне от дорог.

Описывается место расположения Коломны, подтверждающий реальным архитектурным строением – «Ростральные колонны» появились на стрелке Васильевского острова в 1810 году. Одна из них была маяком для судов на малой Неве, другая – указывала путь в Большую Неву. И в стихотворении Ростральные колонны являются ориентиром для читателей, которые указывают на Коломну.

Был и я обитатель Коломны,
Словно Пушкин когда-то, и Блок.

Поэт сравнивает себя с великими поэтами, что и они тоже жили в этом месте, чем указывает на значимость Коломны.

«Здесь, гордынею полон безмерной,
 Я о славе мечтал перед сном,
 В коммуналках сырых на Галерной,
 И на Мойке, и на Дровяном».[18,56]

Топонимы Галерная (название по Галерной Гавани) в песне связан с «И гремели в порту якоря», так как Галерная Гавань была построена для Невского яхт-клуба, Мойка (с ижорского «мутная»), и Дровяной (в середине XIX века располагались дровяные склады Городской думы на берегу р. Пряжка) связаны с воспоминаниями, где жил поэт, по которым он скучает.

Я ступаю на землю Коломны,
 Перейдя через Крюков канал,
 И себя ощущаю бездомным
 Оттого, что ее потерял [18, 5].

Встречается топоним Крюков канал (с 1738 г. – современное название по имени подрядчика Семёна Крюкова), который отделяет Новую Голландию также как и поэта сейчас отделяет от родной земли – Коломны.

В каком бы не находился месте на территории Коломны, поэт вспоминает о прожитых здесь годах и ему тяжело, что он уже не живет здесь и не может любоваться ее красотами каждый день. Каждое определенное место связано с каким-либо личным воспоминанием.

В поэме «Новая Голландия», 1962 г. история переплетается с современностью. Обратимся к названию поэмы «Новая Голландия» – лесные склады, сооруженные в середине 2-й пол. XVIII в., «в последующем времени территория «Новой Голландии» превратилась в остров, ограниченный Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами» [22,86].

Сегодня светло и мокро,
 И небо – еще добрей.
 Зачем я опять на Мойке
 Торчу у школьных дверей?

И как при разлуке больно,

Когда свистят соловьи,

...

Мы раньше с тобой не ладили, -

Теперь ты должна помочь.

Ворота Новой Голландии

Распахнуты в белую ночь [20, 61].

В этом отрывке поэт употребляет топонимы – Мойка и Новая Голландия. Находясь на берегу Мойки, поэту вспоминает о школьных годах, как протекали учебные дни и на мгновение он хочет вернуться в них: «Пусть секунда замрет,/ И продлится мгновенье./ Пусть нам Мойка вернет/ Юных лиц отраженье» [20, 68].

В этой же поэме поэт вспоминает о днях блокады, которые он пережил с родителями в городе:

Я помню год. Горят под облаками

Пожары продолжительней костров.

Закована в тяжелый лед блокады

Эскадра ленинградских островов.

Вот, разбивая лед форштевнем острым,

Победами морскими знаменит,

Васильевский огнем грохочет остров

И трубами неистово дымит [20, 65].

В поэме топоним Васильевский остров у поэта охвачен огнем, «огнём грохочет остров», потому что если мы вспомним из истории, то в годы блокады 1941-44 все деревянные постройки на Васильевском острове были разобраны на топливо и на острове горели огромные костры.

Вот, в общий хор вплетая голос низкий,

Своей неистребимостью сильны,

Бьют Каменного острова зенитки,

Бьют пушки Петроградской стороны [20, 65].

«Легенда гласит, что напротив южного берега Каменного острова, на дне Невы, лежал исполинский камень, возвышавшийся над водой, как скала»[41] , а во время Великой Отечественной войны и блокады Каменный остров стал оборонительным рубежом города. Здесь были построены доты и дзоты, установлены зенитные батареи [41]. Можно сказать, что Каменный остров в поэме был непреступен как скала во время Великой Отечественной войны и блокады.

Употребляется топоним река Пряжка, «название связано с перемещением сюда в 1738 г. «Прядильных амбаров Адмиралтейства» [58, 177]: «А в городе, на Пряжке,/ На радужной воде,/ Буксиры дышат тяжело,/ Начиная день./ Снуют замарашки/ Взад и вперед./ На Пряжке, на Пряжке/ Любовь моя живёт» [20, 66].

Топоним Пряжка «связывает» поэта с приятными личными воспоминаниями о его любви. Река Пряжка как некая прядь, ниточка соединила двух влюбленных.

А.М. Городницкий в стихотворении «Снятие блокады», 1995 г. упоминает топоним Пискарёвка:

Лучше в тесной ютиться коробке
И поленья таскать в холода,
Чем в болотной грязи Пискарёвки
Догнивать без креста и следа [20, 478].

Район получил название по названию деревни Пискарёвка, которая, в свою очередь, была названа по фамилии купца Пискарёва, владевшего здесь обширными земельными участками. Но в этих строчках Пискарёвка связана с историей Великой Отечественной войны, т.к. на территории Пискарёвки во время блокады было захоронено около 500000 человек, поэтому поэт и сравнивает, что «лучше в тесной ютиться коробке», «чем в болотной грязи Пискарёвки» лежать неизвестным.

В стихотворение «Родившись на Васильевском, давно...», 1971 г. перед нами предстает топонимика места жительства самого поэта:

Потом на Мойке жил я. В стороне
 Мерцал Исакий в золотой обновке.
 Как разлились убогость обстановки
 И золото, горевшее в окне [12, 53].

Городницкий А.М. Исаакиевский собор называет кратко и ласково – Исакий (освящён во имя преподобного Исаакия Далматского, почитаемого Петром I святого, так как император родился в день его памяти – 30 мая) красоту, которого он сравнивает с «убогостью обстановки».

В стихотворении «Васильевский остров», 1970 г. обращение к собственной памяти, когда лирический герой, словно с помощью машины времени попав в прошлое, встречается там самого себя, ребенком:

В распахнутом окне клубятся облака,
 Все видится вокруг так празднично и остро,
 И остров мой Васильевский – не остров,
 А добрый материк, что не открыт пока [20, 135].

Васильевский остров для А.М. Городницкого не просто остров, а целый материк, т.к. Васильевский остров считается самым крупным островом в Петербурге и именно здесь прошли детство и юность поэта. Васильевский остров с финского языка переводится как «Лосинный остров». Он часто вспоминает, как гулял с нянькой по «Восьмой и Большой».

В стихотворение «Ностальгия», 1979 г. тоже встречается топоним Васильевский, который связан также с воспоминаниями о прошлом. Поэт тоскует молодости, которую уже не вернуть и не прожить заново:

Белой ночи колодец бездонный
 И Васильевский в красном дыму.
 Ностальгия – тоска не по дому,
 А тоска по себе самому [20, 271].

Топоним Мойка зачастую связан у Городницкого с детством и юностью, что подтверждается его стихотворением «Фотографии старые блекнут с годами...», 1996 г.: «В проявителе времени тонут, нестойки,/ Миловидные лица далеких подруг./ Вот наш класс выпускной перед школой на Мойке» [20, 520].

Хотя и Мойка переводится с ижорского как «мутная», но в воспоминаниях у поэта Мойка связана с лучшими школьными моментами.

Но в стихотворении «Мерцает, отражения дробя...», 2006 г. говорится о жизни поэта на Васильевском острове, о которой он вспоминает с грустью: «Припоминаю старое житье: / Васильевский и Линия Седьмая // Мой старый дом сгорел в сорок втором / Я с той поры здесь не бывал ни разу» [13, 36].

Поэтические образы русской истории зачастую помещены у Городницкого в сферу личных воспоминаний, творческого воображения лирического «я». В своих стихотворениях А.М. Городницкий часто упоминает значимые исторические личности, которые связаны с тем или иным топонимом. В стихотворении «Дом на Фонтанке», 1971 г. отсылка к истории: побывав на этом месте, он вспоминает Державина, который жил на набережной р. Фонтанки, 118. С начала 1790-х гг. и вплоть до смерти Державина, дом поэта был одним из главных культурных центров Петербурга, средоточием духовной жизни столицы. Здесь, перерастая тесные рамки кружков и салонов, собиралась художественно-литературная и политическая элита страны: «Листья в золоте и ржавее/ Дразнят летние глаза /На Фонтанке жил Державин/ Двести лет тому назад» [20, 165].

Также в стихотворении «Памятник Петру I», 1995 г. при описании памятника поэт соотносит его с топонимом Нева: «Сидит он, подлокотник сжав,/ Над хмурою Невой, – / Судьбы печальной горожан/ Пророчество живо» [20, 491].

Не зря поэт употребляет топоним Нева в соотношении с памятником, так как Нева переводится как холодная река, также памятник смотрит холодным взглядом на Петербург.

В стихотворении «Царское село», 1973 г. А.М. Городницкий описывает топоним Александровский парк, но не упоминает название парка. Понять можно, что это Александровский парк из следующих строк:

«Большой Каприз и Малый/ Разрушены стоят./ Их каменные арки,
Замшелые бока,/ Соединяя парки/ Надежно, на века [20, 191].

Согласно старинному преданию, земляные арки-переходы были окрещены Большим и Малым капризами потому, что императрица Екатерина II, утверждая сметы на связанные с ними дорогостоящие строительные работы, долго колебалась, а, подписав, сказала: «Быть так, это мой каприз». В память об императоре Александре I парк называли Александровским. Поэт подчеркивает силу и величие и вечность, несмотря на то, что «парк старинный», его архитектурные постройки разрушены.

В другом стихотворении «Царское село*», 1974 г. лирический герой призывает поехать в это село, так как поэт считает, что, попав туда, можно ознакомиться с его красотами и прошлым, так как Царское село считалось императорской загородной резиденцией:

Давай поедem в Царское село,
Где птичьих новоселий переклички.
Нам в прошлое попасть не тяжело, –
Всего лишь полчаса на электричке.
Там статуи, почувствовав тепло,
Очнулись вновь в любовном давнем бреде [20, 201].

Для Городницкого А.М. Царское село связано с прошлым, с тем временем, когда правили цари и императрица, поэт возвышает это место над всеми другими. Царское село с финского языка переводится как «возвышенное место».

Основополагающий гидроним Ленинграда в лирике Городницкого А.М. – Нева. И в стихотворениях поэт по-разному характеризует реку. «Невы зеркальная вода...», 1976 г.:

Невы зеркальная вода,
И дым сгоревшего заката.
Все возвращается туда,
Откуда началось когда-то

От финского слова «нева» – болото, т.е. вода в ней грязная, мутная, а в стихотворении «зеркальная вода» или еще переводят как холодная река, если соотнести со вторым значением – холодная река, то можно понять поэта, почему он характеризует «Невы зеркальная вода», так как зеркало всегда холодное. Для поэта Нева что-то чистое, связанное с воспоминаниями о детстве, молодости.

Здесь же встречается топоним Каменноостровский проспект:
Любви нежданная беда,
И ранней юности наброски,
Все возвращается сюда,
На старый Каменноостровский [20, 232].

С 1770-х годов участок нынешнего проспекта, носил название «Дорога на Каменный остров». С начала XIX века он стал называться Каменноостровским проспектом. У А.М. Городницкого Каменноостровский проспект является дорогой к прошлому, к юности.

В стихотворении «Старый Пушкин», 1978 г. Нева представлена угрюмой, что связано с трагической смертью Пушкина, и вместе со всеми скорбит Нева: «И мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой...» [20, 267].

Как уже было выше сказано, что «Нева» в переводе – болото и это подчеркивается в стихотворении «Дворец Трезини», 1987 г.: «В краю, где суровые зимы/ И зелень болотной травы,/ Дворец архитектор Трезини/ Поставил у края Невы» [16, 208]. Это стихотворение является гимном

филологического факультета СПбГУ. Дворец Трезини – это Летний дворец Петра I, резиденция Петра I находящаяся в Летнем саду на берегу Невы.

В стихотворении «По контракту, а чаще приватно», 2006 г. топоним Нева выступает, как холодная: «Над холодной водой Невы» [13, 73].

В автобиографической поэме «Окна», 1994 г. хронотоп северной столицы вмещает память героя о начальной поре жизни и творческого пути, о первом приобщении к «яду поэзии» в послевоенном Литкружке во Дворце пионеров, где полулегальным способом поэт познакомился с лагерными стихами В. Шаламова. Центральный же образ окон оставленных когда-то квартир соединяет в поэме эпохальный и индивидуально-личностный масштабы бытия; фасадный облик Петербурга, городскую панораму – с миром сокрытых за этими окнами душевных переживаний, преодоленных вех земного пути: «Те окна города ночного,/ Что нынче стали далеки,/ Внезапно возникают снова/ Над изголовьем строки» [20, 478].

В поэме встречается топоним улица Мойка, который связан с воспоминаниями о блокаде:

Мойке, восемьдесят два
 Я прожил много лет.
 Соседи сникли, как трава,
 Иных – в помине нет.
 Зажгитесь, давние огни,
 Пластиночка, играй!
 Верни мне прошлое, верни
 Тот коммунальный рай,
 Когда блокада и война
 Стучала в нашу дверь,
 Но мир из этого окна
 Был лучше, чем теперь [20, 464].

В реке Мойка всегда мутная вода, не зря и с ижорского Мойка переводится как «мутная», поэтому и поэта настигли трагичные воспоминания о блокаде.

В поэме «Окна» ностальгическое настроение о прошлом: «Где все, что мне принадлежало/ Принадлежит уже не мне, – На Петроградской стороне» [20, 461].

Название Петроградская сторона связано с переименованием Петербурга в Петроград в 1914 году. А поэт долгое время жил на Петроградской стороне. Городницкий А.М. осознает, что все то, что он считал своим уже, не принадлежит ему, т.к. юность прошла и здесь он уже не живет.

В стихотворение «Начинается все и кончается речкой...», 1997 г. встречается топоним Смоленка. В XVIII веке у реки было устоявшееся название – Мякуша. В первой половине XIX века стали употребляться другие: Чёрная и Глухая речка. В 1864 году, для устранения одноимённости с другой Чёрной речкой, она была названа Смоленской рекой по находящемуся рядом Смоленскому кладбищу. Позже она обрела своё нынешнее название.

Умирать возвратиться к истокам покинутых рек,
Где икринкой качалась за тонкой квартирною стенкой
Между Невской протокой и мутной речкой Смоленкой,
Где с моим заодно и двадцатый кончается век [20, 540].

Смоленка, находясь рядом с кладбищем, навевает поэту мысли о конце его века, о том, что наступает другое время, чуждое ему.

В песне «Английский канал», 1962 г., канал не связан с происхождением названия, так как канал у Городницкого связан с мыслями о встрече с ним: «Над Английским каналом огни,/ Английским каналом туманы./ Ах, зачем до тебя все считаю я дни, – / Наши встречи редки и обманны» [16, 41]. Английский канал получил название в XVIII в., здесь в

основном селились английские поданные, находилось английское посольство и английская церковь.

Топонимика донесла до нас отголосок о пригороде в Северной Пальмиры – железнодорожная станция Воздухоплавательный парк, у Городницкого есть одноименная песня «Воздухоплавательный парк», 1971 г. Рассказ о первых демонстрационных полетах Уточкина построен как кинематографический прием, когда один план накладывается на другой, дополняя его и комментируя:

Куда петербургские жители
Толпою веселой бежите вы?
Какое вас гонит событие
В предместье за чахлый лесок?
Там зонтики белой пеною
Мальчишки и люди степенные,
Звенят палашами военные,
Оркестр играет вальсок [16, 82].

Воздухоплавательный парк соотносится у него с военными людьми, потому что с 1885 г. на полигоне размещалась команда военных воздухоплателей и ученых воздухоплателей (отсюда назв. местности).

В стихотворении «Дамба», 2004 г. встречаются топонимы Кронштадт и Сестрорецк: «Я стою на недостроенной дамбе/ Меж Кронштадтом и Сестрорецком» [16, 456]. Кронштадт (от нем. Krone – корона и Stadt – город) – город-порт на острове Котлин в Финском заливе, а Сестрорецк получил название от реки Сестра. Поэт преувеличил, что он находится «меж Кронштадтом и Сестрорецком», так как оба топонима находятся далеко друг от друга, и дамбы между ними нет.

В знаменитой песне «Имена вокзалов», 1998 г. появляются имена ленинградских вокзалов, которые представляют собой некий «пароль» для памяти. Перед мысленным взором предстают картины молодости: «Ах,

Балтийский вокзал и Варшавский/ Где когда-то стоял молодой/ Чтобы вдоволь потом надышаться/ Океанской соленой водой!» [16, 322]. Балтийский и Варшавский связан со временем, когда он уходил в плаванья. Вокзал Балтийский с 1853 по 1872 годы назывался Петергофским, а современное имя вокзал получил в 1872 г. после открытия железнодорожного сообщения с Таллинном. Название Варшавский вокзал произошло от того, что Петербург был соединен с Варшавой. Здесь же А.М. Городницкий написал: «Я однажды пришел на Московский и уехал в Москву навсегда». Можно не согласиться с поэтом потому, что и после отъезда из своего города отсюда, через Маркизову лужу (такое название носит болотистая местность в Санкт-Петербурге в дельте Невы) уходил Городницкий с научными экспедициями в Мировой океан. В августе 1851 года было налажено сообщение между Санкт-Петербургом и Москвой, поэтому и вокзал называли Московский. Московский вокзал в стихотворении является точкой соединения двух столиц.

2.3. Типология пространственных знаков Петербурга в поэзии

А.М. Городницкого

В поэзии А.М. Городницкого Петербург имеет свой «язык». Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть воссоздана определенная система знаков, реализуемая в тексте. Пространственным знакам Петербурга (а именно локусу и топонимике Петербурга) в поэзии А.М. Городницкого можно дать определенную временно-периодическую типологию.

Для А.М. Городницкого детство, связанное с Петербургом, осмыслено как жизненный фундамент, определивший систему координат и самое

миропонимание. Последовательно и настойчиво увязывает он впечатления ранних лет с обликом города в его узнаваемом развороте, топонимических деталях, богатстве мифов и реалий. При этом характерно, что богатство это не столько живописуется, описывается, сколько создается поэтикой детали, намека. Это камерные стихи, тихие герои, переживающие мир с не выразимой словом глубиной и полнотой. Таков интеллигентный автобиографический герой-ребенок А.М. Городницкого. В жизни поэта Петербург – Ленинград занимает не просто уникальное, но определяющее место. Его улицы, сады, дома, самые незначительные детали оформления этих домов становились воспитателями, учителями:

...Закутанный в дожди и холод
 Фасад Петровского дворца
 Стал для меня еще со школы
 Привычным, как лицо отца.
 Над городом, войной разбитым,
 Светлело небо по ночам.
 Он был мне каждодневным бытом,
 И я его не замечал.
 Атланты, каменные братья,
 И кони черного литья –
 Без них не мог существовать я,
 Как без еды или питья... [16,493]

При всей конкретике, узнаваемости и достоверности реалий, город не ограничивает кругозор героя, не изолирует его от мира, но организует его мироощущение, задает точку отсчета, жизненную позицию.

...Из Ленинграда трудно видеть мир
 Устроенный не так же, а иначе... ...
 Когда на Мойке смотришь из окна
 И видишь шпиль, мерцающий над крышей,

И грохот пушки полудневной слышишь,
Тебе другая местность – не нужна .[16,501]

Резюмируя сказанное и сопоставляя эти два исторически сложившихся типа «петербургского героя-ребенка» Ленинграда, нельзя не обратить внимание на то, что они во многих отношениях взаимно противоположны, зеркальны. В первом случае герой подан извне, объективирован; во втором – предельно субъективизирован. Образ города, изначально фантазмагорический, трансформируется во втором случае в узнаваемый, реально-документальный. Главное: если в первом случае город и личность противостоят друг другу (город подавляет героя, деформирует его жизнь и судьбу), то во втором – город и герой гармоничны, взаимонеобходимы. Таким образом, кардинально меняется онтология сюжета и меняется локус Петербурга, обозначается деление на исторический Петербург и «Ленинградский», современный. А соответственно и образ города, его поэтика и сущностное содержание; они живут, преображаются, и векторы этого процесса способны к переориентации. В «Ленинградской песне» Городницкого (1981), город одушевлён населяющими его «любимыми тенями», узнаваемыми «на гранитах», «в плеске мостовых». В многомерном хронотопе парадный лик «российских провинций столицы», выведенный в образах Невского, Зимнего дворца (исторический локус города), легко уступает место прозаической стороне городской жизни, протекающей «в рюмочной на Моховой // Среди алкашей утомленных» (локус современный). В песне А.М. Городницкого многоплановое видение города отразилось на уровне поэтического стиля, где возвышенная образность обрамлена интонациями задумчивого разговора «за стопкой простой и граненой».

Проанализируем корконданс (См. приложение) пространственных знаков по годам и частотности их употребления:

1949 г.: мостовые (1), Финский залив (1), Кунсткамера (1), Расстрелли (1), туман (1), каналы(1);

1955 г.: Нева(1), Московский вокзал(1);

1958 г.: Ленинград (1), Линии В.О.(1), туман (1), ленинградский (1), Петроградская сторона (1);

1960 г.: Ленинградский (1), Горный институт (1);

1962 г.: мостовые (1), вокзалы (1);

1963 г.: Атланты (1), Эрмитаж (1);

1966 г.: мостовые (2), туман (1), чайки (1), вокзалы (1), А. Ахматова (1), трамваи (1), Нева (1), Зимний дворец (1);

1970 г.: мостовые (2), Дворцовый мост (1), Измайловский парк (1), Васильевский остров (1), линии на В.О. (1);

1971 г.: Фонтанка (2), туман (2), петербуржцы (1), Державин (1), Гатчина (1), Петербург (1), Пётр I (1), Нева (1), дворцы (1), мостовые (1);

1972 г.: город (1), Сенная площадь (1), Ленинград (1);

1973 г.: Нева (1), Царское село (2), Невский проспект (2), дворцы (2), мостовые (1), каналы (1), Фонтанка (1), белые ночи (1);

1974 г.: Ленинград (3), Царское село (1), дворцы (1), мостовые (1), Мойка (1), ленинградский (1);

1976 г.: Нева (1), мостовые (1), Фонтанка (1), А.С. Пушкин (1);

1977 г.: лицей (2), дворцы (1), гранит (2), А.С.Пушкин (1), Сенатская площадь (1), ленинградский (1), Державин (1), Петербург (1), Ленинград (1), Пётр I (1);

1978 г.: Пётр I (1), Нева (2), Царское село (1), Лицей (2), Зимний дворец (1), Фонтанка (1), дым (городской) (1), шпиль Адмиралтейский (1), А.С. Пушкин (4), ангел (2), Петропавловский шпиль (1), Державин (1), Кюхельбекер (1), г. Пушкин (1);

1979 г.: Васильевский остров (1), мостовые (2), каналы (1), белые ночи (1), дым (городской) (2), Исаакиевский собор (1), город (1);

1980 г.: Пётр I (1);

1981 г.: Нева (1), Невский проспект (1), Зимний дворец (1), дворцы (1), мосты (1), каналы (1), гранит (1), Ленинград (1);

1982 г.: Нева (1), Царское село (1), белые ночи (1), Петропавловский шпиль (1), Ленинград (1);

1984 г.: Ленинград (1);

1985 г.: блокада (1), Нева (1), Мойка (1), Горный институт (1), Петропавловский шпиль (1), А. Ахматова (2), Гатчина (1), Ленинград (3);

1986 г.: Нева (1);

1987 г.: Царское село (1), дворцы (2), каналы (1), А.С. Пушкин (1), трамваи (1), город (1), Сенная площадь (1), Петроградский о. (1), Петроград (1);

1988 г.: Васильевский остров (2), мостовые (1), чайки (1), трамваи (1), город (1), Смольный (1), гостиница «Англетер» (1);

1989 г.: А.С.Пушкин (1);

1990 г.: Ростральные колонны (1);

1991 г.: Санкт-Петербург (1), Питер (2), мостовые (1), каналы (1), болото (2), ангел (1), Пискаревское кладбище (1), Александровский крест (1);

1992 г.: Петербург (1), Питер (1), Пётр I (2), Нева (2), Васильевский остров (1), мостовые (1), болото (1), гранит (1), А.С.Пушкин (1), ангел (1), сфинкс (2);

1993 г.: Питер (1), Пётр I (1), блокада (1), Царское село (2), ленинградский (1), Мещанская улица (1), Вторая Советская (1);

1994 г.: Питер (2), блокада (1), линии на В.О. (2), дворцы (1), каналы (1), болото (1), гранит (1), А.С. Пушкин (2), ленинградский (2), Ростральные колонны (1), Лиговский проспект (1), Коломна р-н (1), Державин (1), Санкт-Петербург (1);

1995 г.: Питер (1), Пётр I (1), блокада (4), Нева (3), Васильевский остров (1), мостовые (1), каналы (1), белые ночи (1), Финский залив (1), ангел (3), Пискаревское кладбище (1), Обводный канал (1), ленинградский (2),

Петропавловский шпиль (1), Новая Голландия (1), Летний сад (1), грифоны (2), Ленинград (1);

1996 г.: Нева (1), Невский проспект (1), Васильевский остров (1), Пискаревское кладбище (2), петербуржцы (1), Мойка (1), Петропавловский шпиль (1), А. Ахматова (1);

1997 г.: Петербург (1), Ленинград (5), Питер (1), Пётр I (1), Нева (1), линии на В.О. (1), мостовые (1), каналы (4), Фонтанка (1), дым (городской) (1), ангел (1), Мойка (2), Горный институт (1), атланты (1), вокзалы (8), Московский вокзал (1), ленинградский (2), сфинкс (1);

1998 г.: Петербург (1), Ленинград (2), блокада (4), Нева (1), лицей (1), Невский проспект (1), Васильевский остров (1), мостовые (2), Фонтанка (1), белые ночи (1), гранит (1), А.С. Пушкин (2), Мойка (1), трамваи (1), Коломна р-н (1), город (1), А.Блок (1), Достоевский (2), Новая Голландия (1), канал Грибоедова (1), Державин (1), Некрасов (1);

1999 г.: Васильевский остров (1), каналы (1), гранит (1), А.С. Пушкин (1), Санкт-Петербург (1), Ленинград (1), Пётр I (1);

2000 г.: ленинградский (2), Петропавловский шпиль (1), Питер (1), блокада (1);

2004 г.: А.С. Пушкин (2), А.Блок (1), Державин (1), Ленинград (1);

2005 г.: Гатчина;

2007 г.: блокада (1), Васильевский остров (1);

2008 г.: блокада (1), Нева (1), туман (1), А. Ахматова (1);

2009 г.: Нева (1), линии В.О. (1), Гатчина (1);

2010 г.: дворцы (1), каналы (1), дым (городской) (1), шпиль Адмиралтейский (1), А.С. Пушкин (1), Пискаревское кладбище (1), город (2), А. Блок (1), Петроград (1), Ленинград (1), Питер (2), Нева (1);

2012 г.: Нева (1);

2013 г.: Питер (1), блокада (3), Нева (2), Зимний дворец (1), ангел (1), Пискаревское кладбище (3), Сенатская площадь (1), ленинградский (1), Санкт-Петербург (1), Петербург (1), Петроград (1), Ленинград (2);

2014 г.: Питер (2), блокада (1), Нева (1), Васильевский остров (1), линии В.О. (1), болото (1), Ленинград (1);

Анализируя получившийся список пространственных знаков по временной категории, по каждому году написания, приходим к следующим выводам:

В стихотворениях А.М. Городницкого с 1949 г. и 1955 г появляются пространственные знаки исторического Петербурга. Номинация локуса Ленинграда появляется с 1958 г. по 1960 г., что говорит о советском этапе творчества поэта и типе пространственных знаков, которые проецируют детскую тему и тему воспоминаний. С 1962 г. по 1971 г. и в 1973 г. снова доминирует топонимика исторического Санкт-Петербурга вместе с погодными знаками, касающимися климата Петербурга (туманы, белые ночи, чайки).

С 1972 г. появляется локус Ленинграда, и в стихотворениях с 1974 г. по 1977 г. знаки Петербурга и Ленинграда смешиваются между собой. Начиная с 1978 г. увеличивается употребление пространственных знаков исторического Петербурга, появляется большое количество имён, связанных с Санкт-Петербургом (Пётр I, Кюхельбекер, Державин, А.С. Пушкин), такие знаки прослеживаются до 1980 г.

В 1981-1985 гг. повышенное внимание уделено локусу Ленинграда, но вместе с ним остаются и знаки характеризующие Санкт-Петербург (дворцы, каналы, гранит, мосты, белые ночи, Нева).

С 1987 г. по 1993 г. главной линией остаётся город и его вариация названий: Петроград, Санкт-Петербург, Петербург, Питер; умножается локус островов Васильевского и Петроградского, добавляются Ростральные колонны, несколько раз упоминается Пётр I, и появляются

«мифилогизированные» жители Петербурга такие, как сфинксы и ангелы. На протяжении поэзии этих лет по-прежнему остаются знаки, создающие восприятие и ощущение города такие, как: дворцы, каналы, трамваи, сам город, мостовые, чайки, болото, гранит, к ним добавляются названия улиц.

С 1994 по 2000 гг. заметен некий «пик» употребления пространственных знаков Петербурга и Ленинграда. В этот период происходит увеличение и смешение всей топонимики и локусов в поэзии А.М. Городницкого. Сложно сказать, какие знаки больше доминируют между собой, но здесь и название города сменяется своими вариантами, упоминаются многочисленные имена жителей Петербурга (А. Ахматова, Пётр I, А.С. Пушкин, А. Блок, Державин, Некрасов), также стихотворения пронизывает военная тема (блокада, Пискаревское кладбище), знаки, которые задают тему детства и воспоминаний поэта (Коломна, Васильевский остров, Обводный канал, Новая Голландия, Мойка, Летний сад, Фонтанка, лицей, Царское село, Горный институт), снова появляются персонажи мифов Петербурга (атланты, сфинксы, ангелы, грифоны). Такое смешение знаков, указывает на напряженное ощущение стыка веков, тысячелетий, эпох – ощущение, исполненное глубоким личностным, культурным, социально-историческим смыслом.

С 2004 г. по 2014 г. прослеживается некий спад пространственных знаков города, но всё так же устойчивыми остаются постоянные знаки, которые зафиксировались в поэзии: Ленинград (5 раз), Питер (5 раз), Петроград (2 раза), а вот Санкт-Петербург и Петербург единожды, блокада (6 раз), Нева.

Итак, были систематизированы и проанализированы контекстные высказывания (конкордансы) ключевых топосов.

Темпоральность и ритм в художественном произведении могут носить условный характер. Темпоральность в стихотворениях А.М. Городницкого показывает движение событий на уровне сознания людей. Она связана с

индивидуальным видением действительности. Так, историческое прошлое или настоящее предстанет с точки зрения внешнего аспекта в своей объективной хронологии, с точки зрения внутреннего аспекта – в последовательности, заданной субъектом, создается иллюзия замедления скорости развития событий, а иногда даже и их остановки. Описания обуславливают дискретность категорий ритма и темпоральности. В результате снижения динамики действия или перечисления исторических событий, касающихся Санкт-Петербурга возникает эффект прерывания течения времени[59, 12].

Таким образом, ритм времени пространственных знаков является одним из важнейших компонентов в организации лирического текста.

Вывод: Через топонимику А.М. Городницкий показывает свой Ленинград, в котором он жил тогда, когда был молодым. Каждый топоним связан с определенным воспоминанием, например, Мойка со школьными годами, Васильевский остров с прогулками с няней. В топонимы он вкладывает свое личное понимание.

В поэтических текстах А.М. Городницкого топонимы встречаются весьма часто. Они используются для изображения конкретного географического пространства.

Географические названия места действия и описание этих мест, точная пространственная адресация облегчают восприятие художественного текста, настраивают читателя на реалистическое восприятие информации. Используя топонимы, Городницкий А.М. осуществляет географическую конкретизацию описываемого события, приближает его к действительности. Даже вне текста топонимы содержат информацию об определенном пространстве, поэтому у А.М. Городницкого они очень часто выполняют функцию заглавия: «Петербург», «Васильевский остров», «Дом Трезини», «Царское село» и др.

Топонимы, обозначающие конкретное географическое пространство, в лирике Городницкого входят в состав ярких, наглядных метафорических выражений, отражающих неординарное восприятие поэтом реального пространства. Ассоциации поэта необычны, сугубо индивидуальны, он выделяет основной для описываемой местности образ, признак и переосмысливает его, эстетически трансформирует: Ленинградские топонимы в поэзии А.М. Городницкого не образуют собственной системы, а включаются в другие, более широкие, топонимические системы, связанные с различными историко-культурными зонами. Это обусловлено тем, что географические названия А.М. Городницкий использует в символических функциях для выражения своих исторических взглядов, личных воспоминаний, творческого воображения лирического «я», а не для создания пейзажей, отражающих природный и культурный ландшафты Ленинграда.

Заключение

Творчество А.М. Городницкого, несомненно, стало одним из ярчайших явлений, как авторской песни, так и поэтической культуры минувшего столетия в целом. Прошедшее почти полувековую эволюцию, на рубеже веков оно явило органичный синтез песенно-поэтического слова и глубинных философских, исторических, естественнонаучных интуиций, воплотив в своей многожанровой художественной системе сущностные качества современного мироощущения.

Цель работы достигнута: определены роль, значение и функции пространственных знаков в творчестве А.М. Городницкого. В поэтических текстах А.М. Городницкого топонимы встречаются весьма часто. Они используются для изображения конкретного географического пространства, выражения личностного восприятия пространства. Топонимам Ленинграда свойственна автобиографичность, так как А.М. Городницкий в каждый топоним вкладывает личные воспоминания о детстве, юности.

Поставленные задачи были успешно решены. В первой главе представлен генезис термина топонимика. В поэзии топонимы играют роль пространственных ориентиров действия, а также используются в качестве дополнительных средств характеристики изображаемого. Топонимы можно подразделить на два основных типа: реальные, т.е. существующие в действительности, и вымышленные, созданные творческим воображением поэта. Топонимы, будучи элементом структуры стихотворения, выполняют определенную эстетическую и семиотическую функции. Так, названия улиц Петербурга имеют не только «фоновый» характер, но и подчинены решению конкретных идейно-эстетических задач.

Топонимика тесно связана с литературой, т.к. в поэзии топонимы играют роль пространственных ориентиров, и приближает читателя к изображаемым событиям, явлениям, а также используются в качестве

дополнительных средств характеристики изображаемого. Топонимы — определенные образы, которые несут художественные и смысловые функции, значения, связанные с ассоциациями, эстетическими воззрениями и эмоциональным миром поэта. Топонимика имеет не только «фоновый» характер, но и подчинена решению конкретных идейно-эстетических задач. Топонимика связана с историческим прошлым, обладает культурно-историческими знаниями, сознательно пробуждаемых автором и создающих пространственно-временной континуум. Топонимика неотъемлемая часть геопэтики. Топонимы призваны собирать, притягивать, наращивать все возможные смыслы при прочтении и одновременно растягивать сам текст, делать его объемным, более прозрачным, более удобным в чтении. К тому же мы рассмотрели традиции топонимики на протяжении двух веков (с XVIII в. – XX в.). Образ Петербурга с его топонимикой привлекал многих поэтов. У каждого поэта существовал свой определенный образ Петербурга в поэзии, поэтому топонимика, содержащаяся в стихотворениях, представляет собой сложный сплав индивидуального видения города и стереотипов определенной культурной традиции. Топонимика отражает раздумья автора об обновленной стране, ее пространстве, географии, истории и о судьбе Родины. Авторы создали сложный мир образов, где архитектура — не фон, а живой персонаж, помогающий понять переживания лирического героя. На протяжении веков значение топонимики в поэзии менялось от более широкого пространства (Сибирь) к более точным географическим объектам (Нева, улицы), которые наделены личными представлениями, переживаниями и воспоминаниями поэта.

В поэзии Городницкого последнего десятилетия значительное место занимает петербургская тема, содержащая широкий спектр личностных и культурно-исторических ассоциаций и восходящим к творчеству еще 1970-х гг. В созданном А.М. Городницким поэтическом портрете родного города возникает целостное изображение как реального, так и мистического бытия

северной столицы. Для А.М. Городницкого Ленинград – это главный город его жизни... это для него все.... В свои стихотворения, песни Городницкий вкладывает автобиографичность, чем соединяет себя с читателем, который, прочитав то или иное его произведение, может ознакомиться с Ленинградом Городницкого, каким он его видит и любит. Ленинград связан с воспоминаниями, как о прошлом самого поэта, так и об историческом прошлом. Город, с одной стороны, дом детства и юности, образ, который прочно закреплен в душе, и к которому автор постоянно возвращается и наяву, и в воспоминаниях. С другой стороны, это только часть дома, который в целом предполагает для поэта весь Земной шар.

Во второй главе мы рассмотрели пространственные знаки Санкт-Петербурга, и как проявляется топонимический подтекст в поэзии А.М. Городницкого, где через топонимику Городницкий показывает свой Ленинград, в котором он жил тогда, когда был молодым. Каждый топоним связан с определенным воспоминанием, например, Мойка со школьными годами, Васильевский остров с прогулками с няней. В топонимы он вкладывает свое личное понимание. Дана систематизация пространственных знаков Санкт-Петербурга в поэзии А.М. Городницкого.

Географические названия места действия и описание этих мест, точная пространственная адресация облегчают восприятие художественного текста, настраивают читателя на реалистическое восприятие информации. Используя топонимы, Городницкий А.М. осуществляет географическую конкретизацию описываемого события, приближает его к действительности. Даже вне текста топонимы содержат информацию об определенном пространстве, поэтому у А.М. Городницкого они очень часто выполняют функцию заглавия: «Петербург», «Васильевский остров», «Дом Трезини», «Царское село» и др.

Топонимы, обозначающие конкретное географическое пространство, в лирике Городницкого входят в состав ярких, наглядных метафорических выражений, отражающих неординарное восприятие поэтом реального

пространства. Ассоциации поэта необычны, сугубо индивидуальны, он выделяет основной для описываемой местности образ, признак и переосмысливает его, эстетически трансформирует. Ленинградские топонимы в поэзии А.М. Городницкого не образуют собственной системы, а включаются в другие, более широкие, топонимические системы, связанные с различными историко-культурными зонами. Это обусловлено тем, что географические названия А.М. Городницкий использует в символических функциях для выражения своих исторических взглядов, личных воспоминаний, творческого воображения лирического «я», а не для создания пейзажей, отражающих природный и культурный ландшафты Ленинграда.

Таким образом, пространственные знаки, будучи способом познания действительности, играют важную роль в формировании лирического текста в поэзии А.М. Городницкого, так как являются способом познания и отражения реальности, способствуют пониманию авторской позиции в произведении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I

Художественная литература:

1. Александров А. А. Блок в Петербурге – Петрограде. - Л.: Лениздат, 1987. - 238 с.
2. Андреев Ю. А. Наша авторская...: История, теория и современное состояние самодеятельной песни. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – 270 с.
3. Аннинский Л. А. Барды. – М.: Согласие, 1999. – 164 с.
4. Аннинский Л.А. Шестидесятник в 80-х // А. Городницкий. Острова в океане. – М.: МГЦАП, 1991. С. 5-10.
5. Афанасьев К. А., Захаров В. В. Петербург – Петроград – Ленинград в русской поэзии. – Л.: Лениздат, 1975. – 512 с.
6. Ахундов М.Ю. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М.: Наука. 1982. – 222 с.
7. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. - М., 2003. – 136 с.
8. Баевский В. С. История русской поэзии 1930-80 гг. – Смоленск: Русич, 1994. – 301 с.
9. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 204 с.
10. Вербловская И. С. Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой. - СПб.: Нева, 2003. - 352 с.
11. Гаршин В.Г. Петербург Ахматовой. – СПб, 2002. – 179 с.
12. Гордин А. М. Путешествие в пушкинский Петербург / А. М. Гордин, М. А. Гордин. - Л.: Лениздат, 1983. - 287 с.,

13. Городницкий А.М. «Ленинградец - это национальность». «Курьер», № 32, 15-21 августа 2002 года. Интервью Н. Сидоровой.
14. Городницкий А.М. Васильевский остров. Книга воспоминаний. ГКЦМ, В.С. Высоцкого, 1999 г. Библиотека журнала «Вагант – Москва», М. - 298 с.
15. Городницкий А.М. Гадание на ладони. СПб., Фонд русской поэзии, 2006. - 115 с.
16. Городницкий А.М. Избранное. СПб.: Вита Нова, 2008. – 576 с.
17. Городницкий А.М. Когда судьба поставлена на карту: Стихи. Песни. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 416 с.
18. Городницкий А.М. Коломна. СПб: Фонд русской поэзии, 2008. – 144 с.
19. Городницкий А.М. След в океане: Документальное повествование. Петрозаводск: Карелия, 1993. – 589 с.
20. Городницкий А.М. Сочинения / Сост. А. Костромин. – М.: Локид, 2000. – 671 с.; ил. («Голоса. Век XX»).
21. Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика / Сост.: С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др..- Л.: Добровольное общ-во любителей книги, Ленингр. орг-ция, 1990.- 160 с.: ил.
22. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика. Полный свод названий за три века: Справочник-путеводитель / С.В. Алексеева, А.Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев и др. - 2-е изд., перераб. и доп.- СПб.: ЛИК, 1997.- 288 с.
23. Григорьева В.Р. Языковые процессы соврем. худ. Литертуры. Поэзия. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
24. Гумилёв, Н. С. Избранное / Н.С. Гумилёв; предисл., сост., примеч. Н. Богомолова. — 2-е изд., доп. — М.: Панорама, 2000. — 544 с.

25. Достоевский Ф.М. «Подросток»
[http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0090.shtml] // Lib.ru/Классика
Обновлено: 20/11/2013 [дата обращения: 22. 03. 2017].
26. Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. – СПб.: Азбука-классика. 2001. – 478 с.
27. Зайцев В.А. Авторская песня: ее восприятие и перспективы изучения на современном этапе // Филологические науки. 2005. №2. С.77-85.
28. Зайцев В.А. Русская поэзия XX века: 1940-1990-е годы. М., 2001. – 160 с.
29. Кавторина Р.С., Иванова А.И. / Улицы Санкт-Петербурга. – СПб.: АОЗТ Атос, 1995. – 263 с.
30. Кобринский А. Время Городницкого // Дружба Народов. - 2002. - №11.
31. Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Густава Густавовича Шпета // Логос. № 2. - М., 1991. с. 199-214.
32. Кукушкина В.В. Топонимика Санкт-Петербурга 1-ой пол. XIX в. по планам города: названия частей города, слобод, деревень и т.д. – СПб.: Изд. РНБ, 1996. – 443 с.
33. Купчик Е.В. «Высокое» и «низкое» в поэтическом идиостиле (на материале сравнений в творчестве А. Городницкого) // Проблемы образования. Язык и литература в духовной структуре личности. – Тюмень: ТюмГУ, 1997. – С. 23 – 27.
34. Купчик Е.В. Александр Городницкий: образ мира и мир образов: монография. – Тюмень. Мандр и Ка, 2005. – 125 с.
35. Купчик Е.В. Картина образного мира Александра Городницкого: монография. – Тюмень, Мандр и Ка, 2006. – 147 с.
36. Купчик Е.В. Классическая традиция в авторской песне // Традиции, культура, образование. Т.2. – Тюмень: ТюмГУ, 1995. – С. 154 – 156.

37. Купчик Е.В. Образ дома в поэзии Александра Городницкого. // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень: ТюмГУ, 2006. - №4. – С. 89 – 94.
38. Купчик Е.В. Остров-корабль в творчестве А. Городницкого // Стилистика и прагматика. – Пермь: ПГУ, 1997. – С. 65 – 66.
39. Купчик Е.В. Словарь поэтических образов Александра Городницкого. – Тюмень, Мандр и Ка, 2006. – 142 с.
40. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – н. XX вв. Науч. ред. Ю.А. Веденин. – М.: Ин-т Наследия, 1998. – 128 с.
41. Лавров Л. П. , Перов Ф. В. «Уместная архитектура». Каприччио на стрелке Васильевского острова
[<http://www.nevariver.ru/islands/kamenniy.php>] // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2016. Вып. 4 [дата обращения: 03. 05. 2017].
42. Лобанова Ю.В. Образ города в художественной культуре: Диссертация кандидата культурологии. – СПб., 1998. – 134 с.
43. Лотман Ю.М.. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. // Ю.М.Лотман. Избранные труды. Т. 2., М., 1984. – 347 с.
44. Ляпина Л.Е. Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики. — СПб. : Нестор-История, 2010. — 138 с.
45. Матвеева Т.В. Текстовое пространство // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. - М., 2003. - 539-541с.
46. Муравьев М. Седьмая строка // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. II. М., ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1998.- 448-461 с.
47. Ничипоров И.Б. Авторская песня в русской поэзии 1950 – 1970-х гг.: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи. М., 2006.

48. Ничипоров И.Б. Поэтические портреты городов в лирике Булата Окуджавы [<http://www.portal-slovo.ru/philology/37231.php>] // Образовательный портал «Слово» [дата обращения: 21. 03. 2017].
49. Новиков В.И. Александр Городницкий: [Филол. коммент.]// Русская речь. - 1989. - №4.
50. Орлов В.Н. Поэт и город: Александр Блок и Петербург. - Л.: Лениздат, 1980. - 268 с.
51. Отрадина М.В. сост. вступ. ст., коммент. Петербург в русской поэзии XVIII – 1-ой четверти XX в.: Поэтическая антология – Спб.: Филологич. фак-т СпбГУ, 2002. – 664 с.
52. Павловский А.И. Анна Ахматова: Жизнь и творчество: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
53. Прокофьева В.Ю. статья «Категория пространство художественного направления: локусы и топосы», Вестник ОГУ ,11.2005г.
54. Рубашкин А. Возвращение в Итаку// Нева. - 2007. - №7.
55. Рубашкин А. Володя, Алик, Геннадий. Вспоминая О Цензуре...// Звезда. – 2003. - №3.
56. Рубашкин А. Спасибо, Что Петь разрешили...К 75-Летию Александра Городницкого.// Звезда. - 2008, - № 3.
57. Синдаловский Н.А. «Петербург. От дома к дому» Спб., «Норинт», 2002. – 357 с.
58. Соколова И.А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., ГКЦМ В.С.Высоцкого, 2002. – 109 с.
59. Темирболат А.Б. Категория темпорального ритма в современном литературоведении // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. IX междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012.

60. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему). В.Н.Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
61. Фонякова О. И. Топонимы Казани в повести М. Горького «Мои университеты» // Вестник ЛГУ. История, язык, литература. – Л., 1980. – № 8. – 99–103 с.
62. Хренков Д.Т. Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. – Л.: Лениздат, 1989. – 222 с.
63. Черенкова Ю. В. Локус Россия в русской поэзии XX века: лексический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Черенкова Юлия Владимировна; [Место защиты: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»].- Оренбург, 2014.- 334 с.
64. Шантали́на Ю. Речевая объективация концепта «пространство» в поэзии Н. С. Гумилёва [<http://gumilev.ru/about/148/>] // Вестник СамГУ. 2006. №10/2 (50) [дата обращения: 16. 04. 2017].
65. Шестакова Л. Л. Имена собственные в словаре языка писателя // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. – М., 2003. – С. 123–141.
66. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л, 1969. – 552 с.
67. Юрьева И. Ю. Топонимика пушкинских мест [<http://imja.name/poehtonimy/bibl10.shtml>] // Русская речь. – М., 1989. – № 6. – 71–79 с. [дата обращения: 07. 04. 2017].
68. Яцкевич Л. Г. Поэтическая система топонимов и этнонимов в творчестве Н. А. Клюева // Клюевский сборник. – Вологда, 1000. – Вып. 2. – 40–69 с.
69. Яцкевич Л. Г., Виноградова С. Б., Головина С. Х. Словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева. Алфавитный указатель // Клюевский сборник. – Вологда, 2000. – Вып. 2. – 37–46 с.

II

Энциклопедии:

70. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Гл. ред. А.Ф. Трешников; Ред. Кол.: Э.Б. Алаев, П.М. Алампиев, А.Г. Воронов и др. – М., Сов. Энциклопедия, 1988. – 432 с.
71. Краткая литературная энциклопедия в 9 т. - М., 1967-1976.
72. Литературный энциклопедический словарь, под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752с.
73. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова в 4 т. -М., 1935-1940.

